

Ночной соблазн

Автор:

Элизабет Бойл

Ночной соблазн

Элизабет Бойл

Марлоу #2Очарование (АСТ)

Граф Томас Рокхерст невероятно хорош собой, но он известный повеса и донжуан, и в свете о нем распускают самые невероятные слухи. Однако Гермиона Марлоу верит, что граф – достойный джентльмен и у него благородное сердце. Юная леди готова на немыслимые безумства, только бы Рокхерст обратил на нее свой взгляд. Желание быть ближе к любимому, узнать его тайны заводит Гермиону в лабиринт смертельных опасностей. Однако она ни на миг не забывает о награде – пылкой и беззаветной страсти Томаса...

Элизабет Бойл

Ночной соблазн

Посвящается Энн Риччи,

чья поддержка в последние несколько лет

была неизменной.

Ты отважилась воплотить свои мечты в жизнь,

тем самым вдохновив меня

и заслужив мою искреннюю благодарность.

© Elizabeth Boyle, 2008

© Перевод. Т. А. Перцева, 2021

© Издание на русском языке AST Publishers, 2021

Пролог

29 мая 1810 года

Лондон, Мейфэр

– За счастливых молодоженов! – провозгласил Томас, граф Рокхерст, поднимая бокал.

– За счастливых молодоженов! – хором повторили собравшиеся гости.

Продолжая высоко поднимать бокал, граф обвел взглядом комнату. Леди Гермиона Марлоу немедленно приняла позу, которая, по ее мнению, должна была непременно привлечь его внимание, ведь не зря она все утро потратила на то, чтобы выбрать самое красивое платье, ибо не каждый день женится твой брат, просивший графа быть его шафером.

В полной уверенности, что светло-оранжевый шелк наверняка бросится Рокхерсту в глаза, Гермиона слегка наклонила голову, подперла рукой подбородок и призывно уставилась на графа. Не счесть, сколько раз она упражнялась перед зеркалом, прежде чем решиться продемонстрировать это графу!

Нет, в самом деле, как он может ее не заметить?!

– Минни, тебе нехорошо? – спросила двенадцатилетняя сестра Гермионы леди Виола Марлоу, встревоженно оглядывая ее. – О да, это ужасное платье! Цвет настурции тебе совершенно не к лицу!

– Это не настурция, а ногти!

– Настурция, ногти, какая разница? Скажем просто: оранжевый! И в нем у тебя абсолютно нездоровый вид!

Гермиона поежилась. Что может знать о моде двенадцатилетняя девчонка? Оранжевый, видите ли! И разве можно принять необходимую позу, когда тебя поминутно отвлекают?!

– Этот цвет – моя визитная карточка.

– А по-моему, твой полный крах в обществе! – Ви снова оглядела платье и содрогнулась. – В прошлом сезоне ты говорила то же самое о зеленом, в котором смотрелась так, словно только что перенесла чуму! Неудивительно, что тебе сделали всего одно предложение!

– Тогда был не зеленый, – поправила Гермиона, – а фисташковый. И мне сделали два предложения.

Ви покачала головой и с лукавой улыбкой проследила за направлением взгляда Гермионы.

– Теперь понимаю. Оранжевый тут ни при чем. Это из-за графа у тебя такой бледный вид.

Гермиона сжалась. Все правда. Ее охватывало странное волнение, едва она только оказывалась в непосредственной близости от графа. А тут еще Виола, от которой не дождешься ни понимания, ни сочувствия!

– Кстати, тебе известно, что в подобной позе у тебя глаза кажутся косыми?

Косыми?!

Гермиона вздрогнула. Что-что, а уж глаза у нее точно не косые!

– И можешь расслабиться, – ухмыльнулась Виола. – Рокхерст не смотрит в нашу сторону.

Гермиона украдкой взглянула на графа и обнаружила, что тот увлечен беседой с лордом Боксли.

– О, черт возьми! – тихо выругалась она.

– Не понимаю, почему ты так безумно влюблена в Рокхерста? Он даже не знает о твоём существовании, – не унималась Виола, по-видимому, твердо решившая известить сестру. – И не узнает, если будешь продолжать держаться в тени, как увядшая старая дева!

Отчаянно стараясь игнорировать сестру, Гермиона приняла новую позу, более смелую, чем предыдущая, но так и не произвела впечатления...

– Хочешь, я его приведу? Ради тебя я это сделаю! – Глаза Виолы коварно блестели. Откашлявшись, она откинула волосы с лица. – Мой дорогой лорд Рокхерст, могу я представить вам старшую сестру, леди Гермиону Марлоу, которая, как выяснилось, давно и безнадежно влюблена в вас настолько, что готова с радостью броситься под колеса вашего экипажа, лишь бы завоевать ваше расположение? – Виола секунду помедлила, барабаня пальцами по дрожащим от смеха губам. – Она даже не боится, что после этого станет совсем плоской и совершенно непривлекательной!

О чем только думала их мать, позволив Виоле остаться внизу и свободно гулять среди гостей?! Эта негодница вполне способна сказать или сделать что-то, что наверняка навлечет позор на всю семью! Именно это она и проделывала в данный момент. Но, к всевозрастающей досаде Гермионы, Виола продолжала высказываться:

– Лично я нахожу графа просто отвратительным. Уж очень он походит на одного из вечно хандрящих парней из дурацких французских романов, которые так обожает мама. Зато у него чудесный пес! Как там его зовут?

– Роуэн, – подсказала Гермиона. За последнее время она стала настоящим экспертом во всем, что касалось графа Рокхерста.

– Роуэн, – повторила Ви. – Пойду-ка я вниз, спрошу, может, у кухарки найдется лишняя кость для такой лапочки, как Роуэн. Вот у него благородный вид. Куда благороднее, чем у графа. И он намного красивее!

Гермиона метнула косой взгляд на сестру.

– Ты сравниваешь графа Рокхерста с его волкодавом? – Нет, это невыносимо! И в самом деле, что может девочка ее лет знать о подобных вещах?! – Позволь заметить, что граф Рокхерст – первый красавец в Лондоне! – выпалила она, но тут же прикусила язык и поклялась сохранять уже принятую позу, несмотря на раздражающее присутствие Виолы, которая продолжала торчать у стула сестры со стальной решимостью тауэрского бифитера [1 - Страж лондонского Тауэра. – Здесь и далее примеч. пер.].

И все же долго Гермиона не выдержала:

– Ви, кажется, гувернантка тебя ищет! Или мне сказать маме, что ты выводишь из себя гостей и тебя следует отправить наверх, где тебе самое место?!

Виола, ничуть не встревоженная угрозами сестры, вздохнула:

– Не пойму, почему бы тебе не выйти замуж за Хастингса и разом не покончить со всем этим?

Выйти за Хастингса? Да, конечно, мать каждое утро твердила то же самое, но лорд Хастингс?! Конечно, про молодого барона нельзя сказать ничего дурного, кроме того, что он... не он!

Гермиона сурово оглядела младшую сестру в напрасной надежде немного ее усмирить:

– Оставь меня в покое!

– Не могу. – Девочка кивнула в сторону стола с большой чашей для пунша посередине. – Меня прислала мама. Просила последить, чтобы кузина Флоринда больше не пила шампанского. Она и так уже под мухой. Еще немного – и, вскочив на стол, запоет «Shule Aroon» [2 - Ирландская народная песня].

– Под мухой? Страшно подумать, что скажет мама, если услышит подобное выражение из твоих уст! Где ты его подхватила?

– От тебя! – самодовольно сообщила Ви. – Только вчера ты сама говорила Индии Бакстон, что Гриффин вечно приходит домой под мухой, и...

– Да-да, можешь не продолжать, – поспешно перебила Гермiona.

– Вот это и называется «под мухой», верно? – спросила Виола, кивая в сторону кухни Флоринды, правившей бал у заветной чаши с пуншем: в каждой руке по полупустому бокалу, шляпка лихо съехала на ухо, а ее хозяйка раскачивается взад-вперед, не обращая внимания на то, что шерри вот-вот выплеснется на пол.

– К несчастью, да, – согласилась Гермiona, от всей души желая, чтобы Флоринда была чьей-то другой кузиной.

Иногда ей казалось, что принадлежать к семейству Марлоу – тяжелое испытание...

Словно услышав безмолвный призыв о помощи, их мать, графиня Уолбрук, ринулась к дочерям через всю комнату. По пути она еще успевала направо-налево раздавать воздушные поцелуи подругам и приятельницам. Ничего не скажешь, пусть леди Уолбрук не урожденная Марлоу, но иногда кажется, что именно она ревностнее всех блюдет честь семьи.

– Дорогие, вот вы где! – воскликнула она, направляясь к дочерям.

Настроение графини было лучше некуда, и почему бы нет? Дом полон гостей, сын женился, и оставалось пристроить всего четверых детей!

– Такой счастливый день! Жаль только, что вашего отца здесь нет. Но смею сказать, он всем сердцем одобрил бы Шарлотту!

Лорд Уолбрук покинул дом и семью десять лет назад, отправившись в научную экспедицию по южным морям. Время от времени они получали письма и посылки с различными подарками и сувенирами, но постепенно дети стали его забывать. Для них он становился скорее чужим человеком, чем членом семьи, хотя графиня относилась к отсутствию мужа так, словно тот просто завернул за угол в табачную лавку.

Леди Уолбрук махнула рукой проходившей мимо баронессе, после чего вновь обернулась к дочерям:

- Что это с тобой, Гермiona? У тебя совершенно желтое лицо!

- Оранжевое, - поправила Ви.

Гермиона проигнорировала сестру, которая скорее всего бросила на нее свой печально-знаменитый взгляд из разряда «я-же-тебе-говорила!».

- Я здорова, татап, - заверила она, употребив французское обращение, которое предпочитала мать.

Графиня огляделась.

- Но при таком ужасном освещении ты кажешься древней старухой! Немедленно выходи из этого темного угла и дай гостям полюбоваться на тебя! И ты тоже, Виола. Пообщайтесь с гостями. И не волнуйтесь насчет кузины Флоринды. Она перешла на шерри, а все мы знаем, что в этом случае она никогда не поет.

- Не поет. Зато начинает флиртовать с мужчинами вдвое ее моложе, - пробормотала Гермiona себе под нос.

- Что ты сказала, Минни? - переспросила мать в своей обычной рассеянной манере. - Я отвлеклась, пыталась определить, что сует в карманы дядя Хауэл. Он стоит у буфета и набивает карманы не то окороком, не то столовым серебром.

- По-моему, и тем и другим, - заметила Ви.

Леди Уолбрук пожала плечами.

– Разве в такой давке можно понять всю степень грехов дяди Хауэла, находясь на противоположной стороне комнаты? Какая удача для Себастьяна и нашей милой, дорогой Шарлотты! Столько людей пришли пожелать им счастья!

Виола согласно кивнула.

– Но, мама, не следует ли вам позаботиться о нашем серебре? Здесь столько незнакомых людей! Всего несколько минут назад я видела невероятно странную пару...

– Дражайшее дитя, – перебила мать, подталкивая дочерей вперед: мимо как раз проходили лорд Хастингс с матерью, – мы не называем наших гостей странными: тем более что большинство – наши родственники. Хотя лично я никогда не могла понять, откуда родичи твоего отца узнают, что кладовая открыта и пробки из бочонков с шерри выбиты. Сразу же начинается настоящее нашествие на наш несчастный дом. Они врываются сюда буквально ордями. Но мы должны быть гостеприимными. – Она снова и не слишком деликатно подтолкнула дочерей в самую гущу толпы. – Улыбайтесь, девочки, сегодня у нас праздник. – И леди Уолбрук пошла прочь, кивая и раскланиваясь с каждым встречным.

– Рокхерст вон там, а лорд Хастингс в другом конце, – прошептала Виола. – Иди к графу, а я на кухню поискать кость для Роуэна.

«Если только дядюшка Хауэл не добрался туда первым и не прикарманил все кости», – подумала Гермiona. Украдкой бросив еще один взгляд в направлении графа, она поспешила к подругам – мисс Индии Бакстон и леди Томасин Уинсли. По крайней мере у них она найдет сочувствие и понимание. Они по достоинству оценят и заученные позы, и платье цвета ноготков!

Но стоило сделать шаг, как под подошву туфельки попало что-то твердое. Кольцо!

Гермiona нагнулась и подняла находку. Это кольцо она уже где-то видела раньше!

И тут она вспомнила. Да это же кольцо Шарлотты! То самое, которое подруга всего две недели назад унаследовала от двоюродной бабки!

Представив, как огорчилась бы Шарлотта, потеряв кольцо, Гермиона поспешно надела его на палец. Отдаст попозже.

Глубоко вздохнув, Гермиона дрожащими руками расправила юбку. И рассеянно отметила, что ее трясет как в ознобе. Истинная причина понятна: если она сейчас подойдет к Шарлотте, значит, столкнется лицом к лицу с Рокхерстом, оживленно болтавшим с новобрачными.

Гермиона видела, как он произносит очередной тост за счастье Себастьяна и Шарлотты. И ничего не могла поделать с собой. От безумного желания сердце колотилось в груди.

Как она хотела его! Видела во сне. Мечтала, как не следовало мечтать ни одной хорошо воспитанной девушке. Но она мечтала. И даже не обращала внимания на все издевки Виолы насчет ее увлечения.

Снова взглянув на графа Рокхерста, Гермиона набрала воздуха в легкие и решительно шагнула к нему: «О, если бы только... о, как я хочу...»

Но тут в ее восторженные грезы вторгся удар реальности, заставивший Гермиону забыть обо всем.

– Вот бы оказаться мне на том холме... – разливался жизнерадостный голос с ирландским выговором.

Кузина Флоринда!

Гермиона тихо выругалась. Значит, она снова взялась за шампанское! Если не поторопиться, Флоринда закончит «Shule Aroon» и примется за свою любимую песенку о пьяном шотландце и его килте.

Бросив последний взгляд на точеные черты лица и широкие плечи графа, Гермиона вздохнула и направилась к кухне.

А тем временем ее невысказанное желание повисло в воздухе, трепеща и ожидая, чтобы его договорили, но этому не суждено было случиться.

Пока не суждено.

Знай она о силе, готовой вот-вот вырваться на свободу, тут же забыла бы о кузине Флоринде и о том, что та собирается петь. Стояла бы на месте и очень тщательно формулировала желание, которое должно было немедленно исполниться. Но Гермиона была истинной Марлоу. И ее желание было рождено той же страстной натурой, которую унаследовала кузина Флоринда, опрокидывавшая бокал за бокалом и развлекавшая толпу очередным куплетом:

Желаю я, желаю я, желаю я напрасно,

Быть с ним ежеминутно, ежечасно!..

Глава 1

Прибытие графа Рокхерста в «Олмак» на следующий вечер вызвало нечто вроде паники среди остальных гостей. Разумеется, у него оказалось необходимое поручительство. У него в распоряжении всегда оказывалось необходимое поручительство. А почему бы нет? Он обладал состоянием Мидаса, и если этого было недостаточно, чтобы заслужить благосклонность дам-патронесс, то красивое лицо и дерзкий вид пользовались всеобщим восхищением. Но самое главное – он был холостяком. Не одна мамаша незамужней дочери считала, что неженатый, не имеющий наследников граф – воистину преступление против природы.

Впрочем, эти жалобы далеко не всегда относились к лорду Рокхерсту: слишком хорошо была известна его репутация – репутация человека, увлекавшегося дорогими куртизанками и игрой по высоким ставкам. Репутация завсегдатая злочных мест и самых гнусных борделей Лондона.

– Для того чтобы скрутить его в бараний рог, – заметила как-то одна из матрон, – нужна женщина необыкновенная. Женщина, которая затронет его черное, бесчувственное сердце.

И вот граф появился в «Олмаке», то есть едва ли не объявил вслух о своем намерении искать жену. Иначе с чего бы богатому холостому аристократу посещать балы, которые даются в «Олмаке» по средам?

Привыкший к слухам, вечно его сопровождавшим, Рокхерст почти не обратил внимания на суматоху, вызванную его прибытием, тем более что, к своему изумлению, увидел свою кузину мисс Мэри Кендалл и сразу же протянул руку. Мэри автоматически положила ладонь на его рукав.

– Кузина, что ты здесь делаешь? – осведомился граф, осматриваясь.

– Могу задать тебе тот же самый вопрос, – ответила она. – В самом деле, Рокхерст! Предупреждай, прежде чем снова соберешься в «Олмак»!

Граф еще раз огляделся и изумленно моргнул:

– «Олмак»? Это так называется, – пробормотал он, ощупывая нагрудный карман. – А я-то считал, что у меня билеты на сегодняшний балет. Напомни мне завтра задать трепку Танстоллу за то, что направил меня по неверному адресу.

– Солнце еще не зашло, – заметила Мэри. – Уверена, что, увидев здание, ты понял, куда приехал.

Но граф как ни в чем не бывало расплылся в улыбке:

– Я до своего последнего часа буду настаивать на том, что во всем виноват Танстолл. Или... до его последнего часа.

– Бедняга Танстолл! – вздохнула Мэри. – Поразительно, как это его не хватил удар, когда ты велел ему ехать сюда, а не в одно из своих любимых местечек.

– Ах, Мэри, Мэри. По-прежнему прямолинейна и откровенна! Именно за эти качества я обожаю тебя сильнее, чем всех остальных родственников.

– Поскольку под остальными ты подразумеваешь тетю Ратледж, не могу сказать, что очень уж польщена твоей благосклонностью.

Рокхерст рассмеялся. Его кузина была одной из немногих, не преклонявшихся перед его титулом и положением.

- Ты так и не ответил на мой вопрос. Что заставило тебя приехать? - Кузина обвела рукой бальный зал. Почти все присутствующие уставились на них, как на невиданных чудовищ.

- Проиграл пари.

Рокхерст подмигнул Мэри и подвел к чаше для пунша.

- Ты никогда не проигрываешь пари, - отрезала Мэри.

И хотя он втайне признавал ее правоту, все же не собирался ни с кем объясняться. Черт, да что он мог объяснить, если сам не знал причин!

- Я расскажу тебе, если объяснишь, что ты делаешь среди этих зануд.

- Если бы ты вращался в приличном обществе, знал бы, что в этом сезоне я выезжаю, - пробормотала Мэри.

Рокхерст едва не ахнул от неожиданности.

- Выезжаешь?

- Рокхерст, я хочу найти мужа, прежде чем станет слишком поздно думать о замужестве!

Честно говоря, он не знал, что ответить. Не представлял, что этот «синий чулок», его кузина, способна обзавестись семьей.

- И буду крайне благодарна, - продолжала Мэри, - если ты не станешь указывать мне на неосуществимость подобных намерений... как уже сделали отец... и... и... другие.

И все же кое-что он мог оспорить. Оглядев комнату, граф с трудом подавил озноб, едва не сотрясший его тело.

– Но почему ты здесь?

– Тетя Ратледж настояла, – призналась Мэри.

– Она заставила тебя приехать сюда?

Мэри съежилась, но все же кивнула.

Граф покачал головой:

– Тебе нужно проводить больше времени подальше от твоей библиотеки. Почаще выходи в большой мир, туда, где тетка не сможет тебя найти.

– В отличие от тебя у меня нет Дайалса, где можно скрыться, – парировала Мэри, смерив графа оценивающим взглядом. – Последнее время ты выглядишь усталым, – констатировала она. – Полагаю, твои обязанности стали еще более обременительными, чем раньше.

– Да, в некотором роде.

– Ты еще не нашел дыры? – спросила Мэри, понижая голос.

Граф покачал головой, но ничего не ответил, помня о множестве любопытных ушей. Мэри не станет допытываться по крайней мере до тех пор, пока они не останутся наедине. И уж тогда, как истинный «синий чулок», засыплет его вопросами, желая знать все подробности.

А тем временем Рокхерст спокойно взирал на стайки юных красоток и богатых наследниц, всех тех, кто уже с рождения имел знатную родословную и деньги. И больше ничего, достойного истинной любви и уважения.

Он содрогнулся.

Всего лишь один раз, и то на самое короткое время, он поверил, что нашел женщину, выделяющуюся из дам своего круга. Мисс Шарлотту Уилмонт. И почти сразу же понял, что сердце леди отдано другому. Но за несколько часов, проведенных в ее обществе, он обнаружил то, во что никогда раньше не верил. Искру чего-то такого, о существовании чего не подозревал. Возможно, это всего лишь заблуждение. Или ирония судьбы.

И все же теперь он здесь, в «Олмаке», обзирает светских дам в поисках... будущей жены.

Его размышления были прерваны тычком веера в ребра.

– Рокхерст, немедленно перестань оценивать гостей так, словно это лошади на аукционе в «Таттерсоллз». Это неприлично!

– Предпочитаешь нечто подобное? – спросил он, изобразив громкий смех, словно Мэри только сейчас отпустила ужасно остроумную шутку, после чего подмигнул проходившей мимо матроне и закончил представление элегантным поклоном в сторону хихикавших дебютанток, веселье которых мигом испарилось, сменившись потрясением при виде такой неожиданной милости.

Мэри со стоном потащила графа подальше от наивных дурочек и подвела к столу с закусками. Рокхерст скептически вскинул брови, рассматривая теплый лимонад и убогое угощение.

– Интересно, почему кому-то хочется сюда приезжать?

– Потому что это место считается едва ли не самым уважаемым в Лондоне.

Граф снова содрогнулся.

– Теперь знаю, почему все эти годы я предпочитал проводить вечера по средам где-то в другом месте.

– Все это прекрасно, но, бьюсь об заклад, каждая мать в этой комнате считает, что ты приехал сюда в поисках невесты.

Рокхерст недовольно нахмурился:

- Вряд ли один вечер под этой священной крышей...

- Пфф! – фыркнула Мэри, в этот момент удивительно напоминая тетю Ратледж. Но Рокхерст, как истинный джентльмен, не стал подчеркивать очевидное. – А мне казалось, что, посетив столько файв-о-клоков и карточных партий, ты стал осторожнее, – упрекнула Мэри. – Неужели не понимаешь, что наделал?!

- В таком случае я немедленно сотворю что-нибудь непристойное, чтобы положить конец этому абсурду.

- Ну вот, теперь ты снова стал собой, – рассмеялась Мэри. – Умоляю, сотвори что-то непристойное! Я просто обожаю слушать истории обо всех твоих недостатках и безрассудствах. При этом мне остается только кивать и оплакивать твое никчемное существование. Хотя больше всего на свете мне хотелось бы высказать всем им, что ты...

Рокхерст мгновенно замер и насторожился:

- Ты не посмеешь...

- Довел себя до такого состояния, что даже шуток не понимаешь, – усмехнулась Мэри, оборачиваясь и снова хватая его за руку. – Что ни говори, кузен, а ведь когда-то ты не был таким тупицей!

- Тупицей? – переспросил граф, вскинув брови.

Вид у него был очень забавный, и Мэри невольно рассмеялась.

- Вот именно! – подтвердила она, качая головой. – Да что с тобой стряслось? Ты всегда был таким предсказуемым. Флирт с замужними женщинами, самыми утонченными, несравненными. А теперь ты превращаешься в уважаемого джентльмена.

- Уважаемого? – ужаснулся граф. – Предпочитаю считаться тупицей.

– В таком случае тебе не следовало на прошлой неделе приглашать в оперу мисс Уилмонт, – справедливо указала Мэри. – В самом деле, Рокхерст, что побудило тебя вытащить Шарлотту Уилмонт из безвестности на свет божий?

– Не знаю. Я, наверное, тысячу раз проходил мимо, не замечая ее, и однажды это случилось. Я ничего не мог с собой поделать. И ведь она любила вовсе не меня. Счастливец этот Трент!

– Они прекрасная пара, не находишь? – вздохнула Мэри, вертя в руках веер. – Но дело в том, что если ты упорно сопровождаешь молодых дам в оперу, не говоря уже о стремлении посетить «Олмак», значит, волей-неволей становишься респектабельным.

Рокхерст устало потер подбородок:

– Что за дьявольская ловушка!

– Именно. Я по-прежнему склонна считать, что женитьба Трента пробудила в тебе тоску по семье. Может, я так и скажу тетушке Ратледж, когда та завтра утром станет осаждать меня вопросами, – объявила Мэри, губы которой подозрительно подергивались.

– Ты неисправимая плутовка, Мэри. Но ничего подобного ты не сделаешь.

Кузина снова фыркнула: звук, совершенно не подобающий леди.

– И что же, спрашивается, мне сказать, когда она придет и потребует объяснений относительно твоего пребывания здесь? И будь уверен, она появится на нашем пороге чуть свет, полная решимости вытянуть из меня правду, дабы потом хвастаться, что все услышала из первых рук.

Рокхерст упорно молчал. Не дождавшись ответа, Мэри простонала:

– Ты ставишь меня в ужасное положение! Объясни же, что ты тут делаешь?!

– Хотел бы я сам знать, Мэри, – вздохнул он, снова оглядывая толпу. – Хотел бы знать...

– Это продолжалось слишком долго, Куинс.

Леди, к которой была обращена фраза, поморщилась, когда человек, которого ей меньше всего хотелось видеть, выступил из тени занавешенной ниши. При этом ей даже не понадобилось оборачиваться: она и без того всем своим существом ощущала его присутствие. Знала каждый изгиб его тела. Каждую черту красивого лица. И искренне об этом жалела.

– Уходи, Милтон! – потребовала она. – Если все пойдет, как задумано, я сумею выполнить твою просьбу.

– Если? – повторил он. – Весьма интересный оборот фразы. Если. Почему прямо не сказать: «Я добуду твое кольцо»?

Дама наконец повернулась и оглядела его богатый костюм: бутылочно-зеленый фрак и туго натянутые лосины. Золотая отделка поблескивала в свете свечей. Впрочем, Милтон всегда предпочитал, чтобы его одежда ослепляла и обезоруживала.

И его расчет неизменно оказывался верным. И действовал даже на нее, даже после стольких лет...

Сердце Куинс на секунду дрогнуло. Но она продолжала любоваться широкой грудью Милтона, его зелеными, сверкавшими, как драгоценные камни, глазами, длинными стройными ногами...

Пока не вспомнила, как и почему они оказались здесь. Когда-то они были мужем и женой... счастливой парой, связанной тайной кольца. До тех пор, пока Милтон не предал ее доверия. Ее веру в него.

Пффф... все это в прошлом...

– Неужели тебе не подвернулось ни одной глупой молоденькой нимфы, которая так легко поддается обольщению? – бросила она. – Или уже успел перебрать

всех доступных кандидаток?

– Ай-ай-ай, – покачал головой Милтон. – Как всегда, остра на язык. И не способна сосредоточиться на неотложной задаче. – Он кивнул в сторону трио юных дебутанток, весело щебечущих в углу комнаты. – Для женщины твоих талантов вряд ли так уж сложно подойти туда и снять кольцо с ее руки. Мое ты украла очень ловко!

– Ты был пьян и возлежал в объятиях любовницы, – напомнила Куинс, не отрывая взгляда от объекта самого пристального наблюдения. Леди Гермиона Марлоу. Но пока леди находится в компании подруг, будет далеко не так просто украсть кольцо, как это кажется Милтону.

– А ты уклоняешься от сути вопроса, – возразил он, глядя на свою руку. На этой руке он носил кольцо в продолжение их короткого брака. – Должен сказать, вчера тебе повезло: ее прервали, и она не успела высказать своего желания до конца. А теперь иди, добывай мое кольцо.

– И как ты предлагаешь это сделать? Подойти и попросить отдать кольцо? Мол, простите, леди Гермиона, но не хотите ли вернуть кольцо мне? Видите ли, оно обладает неведомой вам силой и если захотите чего-то пожелать, я буду просто обязана исполнить ваше желание?

Милтон издал непристойный звук и стал изучать свою добычу.

– Она может пожелать всего лишь чашку лимонада, и на этом все будет кончено.

– Ты, очевидно, не пробовал этого лимонада, – заметила Куинс, качая головой. – Нет, боюсь, если леди Гермиона чего-то захочет сегодня... желание будет иметь прямое отношение к...

– Ка-а-а-кого дьявола он здесь делает? – выдавил Милтон, панически обшаривая глазами зал.

Куинс обернулась к двери и ахнула при виде графа Рокхерста, широкими шагами входившего в бальный зал.

– Это твоя работа, верно? – неожиданно прошипел Милтон. – Решила подшутить надо мной?

Однако Куинс уже не слушала. Кольцо или нет, но она не намерена попасться на глаза графу Рокхерсту!

Куинс повернулась, чтобы поскорее отойти в противоположную сторону... куда угодно, лишь бы оказаться подальше от него, но Милтон злобно вцепился в ее руку.

– Куинс, – проскрежетал он, слегка ее встряхнув, – это ты привела его сюда?

Куинс посмотрела на свою руку, все еще находившуюся в плену, после чего подняла глаза:

– И зачем мне это нужно?

– Вот и объясни, – парировал Милтон, и Куинс подумала, что в жизни не видела такого панического страха в его взгляде. – И начхать мне на все твои идиотские замыслы наказать меня! Одно я знаю точно: ты не уйдешь из этой комнаты без моего кольца! Я приказываю тебе раздобыть его!

– Ты? Приказываешь? – рассмеялась она и, вырвавшись, растворилась в толпе, прежде чем Милтону удалось ее остановить. Слишком хорошо Куинс знала, как ненавидит Милтон многолюдное общество. Именно на это она и рассчитывала.

– Куинс, немедленно вернись ко мне. Это не смешно, – прошептал он ей в спину. – Будет большая беда. Помяни мои слова. И я не отвечаю, если она...

Но тут Милтон ощутил знакомый неприятный трепет, означавший только одно.

Он прав. Слишком поздно.

Ибо Гермиона Марлоу тоже заметила графа Рокхерста и загадала желание едва ли не со следующим выдохом.

Леди Гермиона Марлоу, стоя в стороне, оглядывала многолюдный зал «Олмака».

- Он сейчас вернется, - заверила ее подруга мисс Индия Бакстон, кивая в сторону стола с закусками, где молодой аристократ наполнял чашу пуншем.

- Кто? - спросила Гермиона.

- Лорд Хастингс, - вмешалась Томасин Уинсли. - Господи боже, Минни, ты уже успела забыть?

- Не понимаю, как тебе это удалось! - объявила Индия. - Он только что не попросил твоей руки!

- Но я вовсе не хочу, чтобы он просил моей руки, - возразила Гермиона. - Он такой... такой...

- Скучный, - согласно кивнула Томасин.

Мало того, ужасный зануда. И это еще слабо сказано. Но к сожалению, именно такие, как лорд Хастингс, предназначаются для девушек вроде Гермионы, Томасин и Индии - тех, кто вот уже третий сезон не может найти себе мужа.

И если они не обзаведутся парой в ближайшие несколько месяцев, этот сезон окажется для них последним. И не нужно забывать, что июнь уже близко, так что у них почти не остается времени, чтобы найти мужчину, от которого бросает в дрожь, и одновременно осчастливить родителей, исполнив самое заветное их желание.

- Кстати, мисс Берк, по-моему, до сих пор страдает из-за твоей сегодняшней победы в состязаниях лучников, - продолжала Томасин, поспешно меняя тему, поскольку, если уж быть до конца честными, никто не желал видеть себя в роли будущей леди Хастингс.

Индия гордо задрала нос:

- Вы забыли, как мерзко она кашляла каждый раз, когда тебе приходилось стрелять?

– Противная хитрая обманщица, – согласилась Томасин, кивая в сторону бессовестной особы, пребывавшей в окружении своих друзей. Никаких ниш и темных углов для мисс Лавинии Берк! Она и ее сердечные подружки всегда занимали центральную сцену «Олмака».

– Смотри, как сестры Дьюмон из кожи вон лезут, чтобы развеселить Лавинию! У нее такой кислый вид, словно она выпила слишком много лимонада! Как же мы повеселились сегодня, Минни!

– Видела бы ты ее лицо, когда твоя последняя стрела попала в яблочко, – вторила Индия, обмахиваясь веером. – О, столь прекрасное зрелище стоило того, чтобы притащиться на этот скучнейший бал!

– Я тоже радовалась, что побила ее, – призналась Гермиона. – Она такая самодовольная и жеманная! Поверите, я сама слышала, как она говорила этим полоумным сестрицам Дьюмон, что отвергла Себастьяна и тот из чистого отчаяния женился на Шарлотте.

– Всякий, кто подметил, как твой брат смотрит на Шарлотту, сразу понимает, почему он на ней женился, – вздохнула леди Томасин. – Я просто мечтаю, чтобы нашелся мужчина, который тоже так будет на меня смотреть.

Гермиона и Индия дружно закивали.

– О небо! – вдруг ахнула Томасин, прикрывая рукой рот, чтобы удержаться от смеха. – Бедный лорд Хастингс!

Подруги обернулись и увидели, как лорд Хастингс пробирается сквозь толпу в противоположном направлении.

– Так и знала, что он заблудится, – хмыкнула Гермиона, приподнимаясь на мысочки и глядя вслед молодому барону, осторожно державшему в руках чаши с пуншем. – Может, окликнуть его, прежде чем он прольет на кого-то пунш, или подождем, пока он поймет, что мы стоим в противоположном конце комнаты?

Но Индия вместо ответа издала какой-то странный сдавленный звук.

Обернувшись, Гермиона с удивлением увидела, что подруга разевает рот, как

выброшенная на песок форель. Похоже, и Томасин поразило нечто вроде молнии.

– О господи! Боже... – выдохнула она, широко раскрыв изумленные глаза и глядя куда-то поверх плеча Гермионы. – Ты в жизни этому не поверишь, Минни!

Индия моргнула и снова попыталась что-то сказать, но рот по-прежнему открывался и закрывался, словно она не могла найти слов, чтобы описать открывшееся перед ней зрелище.

– Что там? – спросила Гермиона, оглядываясь, но видя только узкую высокую фигуру лорда Баттерсби, стоявшую у нее за спиной. Вряд ли его приход привел Индию в такое состояние: несчастная выглядела так, словно только что проглотила попугая собственной тетки.

– О, дай я ей все скажу! – воскликнула Томасин, приподнимаясь на мысочки.

– Нет, я, – заспорила Индия, внезапно обретя голос. – Я первая его увидела!

Его.

Гермиона задрожала. По ее твердому убеждению, в обществе был всего один такой мужчина. Тот, кого она любила.

Рокхерст.

И ее подруги, должно быть, шутят, ведь граф ни за что не появится в «Олмаке».

Она оглядела девушек, ожидая увидеть, как они перемигнутся или выдадут себя каким-то иным образом, однако ничего не увидела. Все то же совершенно одинаковое потрясенное выражение широко раскрытых глаз. Впрочем, на лицах многих гостей читалось откровенное изумление.

Гермиона медленно повернулась, и ее рот сам собой открылся.

– Черт возьми! – охнула она, привычно прижимая ладонь к взбунтовавшемуся животу. Мать Божья, не следовало ей брать вторую порцию пудинга за

ужином. Теперь она опасалась худшего.

Подумать только, а она считала, что здесь будет в полной безопасности!

– Я тебе не верю, – прошептала она Индии.

– Я тоже себе не верю, – согласилась та. – Что он здесь делает?

– Не знаю, и мне абсолютно все равно, – отмахнулась Томасин. – Но как же я рада, что мать настояла на моем приезде сегодня. Представляю, как будут завтра сокрушаться те, кто провел вечер в другом месте!

– О, это платье уж точно не привлечет его взора, – простонала Гермиона. – Совершенно не тот оттенок оранжевого!

Она нервно расправила складки миленького, очень модного платья, которое выбрала на сегодняшний вечер.

– Минни, перестань суетиться, – рассмеялась Томасин. – Мы трое могли бы появиться перед ним абсолютно голыми и принять позу речных нимф, а он ничего бы не заметил.

– Совершенно верно, – кивнула Индия. – Сама увидишь: мы слишком респектабельны, чтобы обратить на себя его внимание.

– Он увлечен Шарлоттой, – выпалила Гермиона, пытаюсь игнорировать слабый укол ревности, ударивший прямо в сердце.

– О да. Был увлечен. Не меньше часа, – согласилась Индия, – однако ты должна признать, последние несколько недель Шарлотта как-то странно себя ведет. Словно она не в себе.

Гермиона нахмурилась. Индия права: что-то в Шарлотте изменилось. С тех пор... с тех самых пор, как ее двоюродная бабка Урсула умерла и внучка унаследовала...

Гермиона опустила глаза. На руке по-прежнему оставалось кольцо. То самое кольцо, которое она нашла вчера.

Она могла поклясться, что кольцо под перчаткой согрелось. И словно дрогнуло на ее пальце. Слово колокольчик, предвещающий наступление чего-то зловещего, чего предотвратить невозможно.

– Слышали о его последней эскападе? – прошептала леди Томасин. Правда, их никто не мог подслушать, но некоторые вещи лучше произносить благоговейным заговорщическим шепотом.

– Насчет его пари с лордом Крамером? – уточнила Индия.

– О, вовсе нет! – фыркнула Томасин. – Об этом уже все знают. Нет, я говорю о его возродившемся интересе к миссис Форнетт. Ее видели с ним в «Таттерсоллз», хотя каждому известно, что ей покровительствует лорд Сандертон.

Гермиона тяжело вздохнула.

– Теперь, конечно, жди дуэли. В этих случаях всегда так бывает.

Кузен леди Томасин однажды дрался на дуэли, и с тех пор она считала себя знатоком подобных вопросов.

– Чепуха! – объявила Гермиона. – Она ему совсем не нравится.

– Я слышала, как мама говорила леди Гиддинг, что слышала от леди Оустон, которая все узнала прямо от лорда Филтона, что граф Рокхерст был в «Таттерсоллз» с миссис Форнетт! – возразила Томасин и поджала губы.

– Может, и так, но лично я слышала, как лорд Деламир говорил моему брату, что видел Рокхерста, входившего в совершенно омерзительный дом в Севен-Дайалсе. Ни один истинный джентльмен не переступит порога подобного заведения, где обитают совершенно жуткие женщины! – сообщила Индия.

Гермиона наморщила носик:

– А что сам лорд Деламир делал в этом логове греха?

– По-моему, проезжал мимо, направляясь в ближайший игорный дом. Он совершенно помешан на игре в кости и пустил на ветер почти все свое наследство. По крайней мере так утверждает мой брат.

– Бьюсь об заклад, лорд Деламир к тому же был под мухой, – процедила Гермиона, забыв, как журила Виолу за подобные выражения. – Лично я ничему этому не верю. Не понимаю, что это происходит в обществе! Только и делают, что сплетничают о человеке, который ничем не заслужил подобного обращения!

– Не заслужил?! – возмутилась Томасин. – Граф Рокхерст – ужасный распутник, и все об этом знают!

– А вот я думаю иначе, – отрезала Гермиона, сложив руки на груди, хотя в животе продолжал ворочаться неприятный ком.

– Не понимаю, почему ты с таким упорством его защищаешь? – возмутилась Индия, глядя в ту сторону, где граф беседовал со своей кузиной мисс Мэри Кендалл. – Он порочен.

– Не согласна! – гордо выпрямилась Гермиона. – Не верю ни единому слову. Граф Рокхерст – человек благородный.

– Еще немного – и ты станешь уверять, что он проводит ночи у постели больных сирот и развозит корзины с едой бедным солдатским вдовам, – фыркнула леди Томасин.

– О нет, – рассмеялась Индия, – думаю, он похож на безумного графа из той книжки, которую нам запретила читать твоя матушка. – Вздвогнув, она наклонилась поближе к подругам и прошептала: – Знаете... о том кошмарном человеке, который похищал разных женщин и держал их на чердаке? Клянусь, если каким-то образом проникнуть на чердак графа, обнаружишь там целый гарем!

– О, какой глупый вздор! Как можно чернить репутацию человека подобным образом? – запротестовала Гермиона. – Я точно знаю, что граф – порядочный

человек! А лорд Деламир и лорд Филтон могут утверждать все, что им угодно!

– Что же... единственный способ доказать свою правоту – следить за ним всю ночь. Только увидев правду собственными глазами, ты сможешь избавиться от своего несчастного увлечения, Гермiona.

– Хотела бы я последить за ним всю ночь, – призналась та.

– Да, и навеки погубить себя и свою репутацию, – заметила Томасин. – И не думай, что он женится на тебе, чтобы спасти эту самую репутацию, если ему наплевать на свою!

Индия щелкнула пальцами. Глаза вдохновенно горели.

– Жаль, что ты не проклята, как несчастная героиня в той книге, которую мы позаимствовали у моей кузины. Помнишь? «Дилемма Зои»... нет, не то «Ужасная участь Зои»... О, я никак не запомню название!

– Я помню! – вмешалась Томасин. – «Зоя, или Нравственная гибель проклятой души».

– Да, именно так, – вздохнула Индия.

Гермиона подняла глаза к потолку. Только Томасин и Индии могло прийти в голову вспомнить такую историю в самое неподходящее время.

Она снова оглядела платье. Боже, зачем она выбрала этот цвет! Цвет тыквы, а никаких не ноготков. Разве теперь граф отличит ее из толпы?!

– Помнишь, Минни? – продолжала Томасин. – На закате Зои становилась невидимой. Я бы многое отдала за такое превращение!

– И для чего тебе это? – удивилась Индия. – Ты уже знаешь, что граф – распутник и повеса.

Глаза подруги лукаво блеснули.

– Став невидимкой, хотя бы на одну ночь, я сделала бы все, чтобы погубить репутацию мисс Лавинии Берк. Наутро весь Лондон только и говорил бы о том, как непристойно она портит воздух, не говоря уже о ее неуклюжести, потому что, боюсь, не устояла бы перед искушением наступать на ее шлейф каждый раз, когда она делает шаг.

Гермиона хихикнула. Индия взорвалась смехом.

– По-моему, ты только об этом и мечтаешь, – уличила подругу Гермиона.

– Вполне возможно, – тоже засмеялась Томасин. – Если бы ты, Гермиона, смогла сопровождать Рокхерста от заката до рассвета, то убедилась бы, что все сказанное о нем – чистая правда.

– И тогда ты сумела бы покончить с этой несчастной страстью и найти себе подходящего жениха прежде, чем кончится сезон, – добавила Индия.

«И вместе с ним твои шансы на приличный брак», – могла бы сказать она, но, будучи сердечной подругой Гермионы, конечно, промолчала. Однако Гермиона не собиралась так легко сдаваться.

– А я считаю куда более вероятным, что вам придется взять назад все слова, которые вы когда-либо о нем сказали.

– Или слушать твои слезные жалобы о том, как страшно тебя обманули, – парировала Томасин.

Гермиона повернулась к графу. Нет, ни один мужчина не может быть таким ужасным грешником!

О, если бы только...

И тут случилось нечто странное. Кольцо на ее пальце снова согрелось и... дрогнуло. Затрепетало, словно подталкивало... нет, заставляло продолжать.

– Я хочу, – произнесла Гермиона вслух, словно пробуя на вкус каждое слово. – Хочу, подобно леди Зои, стать призраком от заката до рассвета и разгадать все

тайны лорда Рокхерста.

Последние три слова она произнесла про себя: «И чтобы он разгадал мои...»

И когда слова желания вырвались из сердца и слетели с губ, весь зал закружился, словно сам Лондон напрямиком летел в Темзу.

Гермиона поднесла руку ко лбу и закрыла глаза. Что случилось? Что с ней творится?

Подруги тоже заметили ее состояние. Томасин подхватила ее под локоть, едва удержав от падения.

– Минни! Тебе плохо?! – вскрикнула она, пытаясь отыскать взглядом мать Гермионы, но тут же сама едва не лишилась чувств: – О нет! Мисс Кендалл и лорд Рокхерст идут сюда!

Гермиона снова пошатнулась: потолок и пол на мгновение поменялись местами.

– Надеюсь, это не твоя очередная поза? – прошептала Индия. – Если так, не рекомендую в ней оставаться. Вид такой, словно тебя сильно тошнит...

– Меня действительно тошнит, – выдавила Гермиона, поспешно прикрывая рот рукой.

– Опять! – воскликнула Томасин. – Что с тобой творится? Стоит ему оказаться рядом, как тебя выворачивает наизнанку!

– И то правда, – кивнула Индия. – Только не перед ним! Не здесь!

Под словом «здесь» имелся в виду «Олмак».

Гермиона бессильно обмякла. В ушах что-то громко жужжало. Как ни пыталась она взять себя в руки, ничего не выходило. А желудок... Ну зачем, зачем она ела копченую сельдь и вторую порцию пудинга? И теперь она опозорится на глазах у всех! О, ее репутация навеки погублена.

– В чем дело, Минни? – допытывалась Индия. – Неужели съела несколько порций пудинга?

– Да, – призналась Гермиона, прижимая ладони к животу и делая усилие открыть глаза. Томасин права! К ним идет граф.

Черт возьми! Он так красив, так высок и так...

Желудок снова взбунтовался. Пришлось заткнуть ладонью рот, чтобы не опозориться.

– Слишком много пудинга, – объявила Индия.

Но сама Гермиона не была в этом уверена, потому что ощущала, как подрагивает на пальце проклятое кольцо Шарлотты. Это с ним что-то не так.

Охваченная паникой, Гермиона сорвала с руки перчатку и потянула с пальца кольцо. Ничего не вышло. Еще час назад оно свободно сидело, а сейчас застряло. И не сдвигалось с места, как бы она ни тянула.

Гермиона подняла глаза и наткнулась на недоуменные взгляды подруг. Мало того, они буквально на нее тарачились. Гермиона мгновенно поняла, что выглядит полной дурочкой в глазах окружающих. И как ни противно это признавать, еще большей дурочкой, чем обычно.

Томасин сделала знак и вместе с Индией повела Гермиону в дамскую комнату.

– Должно быть, ты сегодня перегрелась на солнце во время состязаний лучников.

– Или слишком много пудинга, – настаивала Индия.

– Какое несчастье, что ты не можешь стать невидимкой прямо сейчас, – рассмеялась Томасин.

– Ты только ухудшаешь ситуацию, – рассердилась Индия.

– Нет, только подумай! Мы могли бы все свалить на мисс Берк и сказать, что это она слишком много выпила.

– Томасин, ты слишком много думаешь об этом, – простонала Гермиона.

Глава 2

К этому времени прежние посетительницы дамской комнаты уже выскочили в зал, услышав истеричное объявление о приезде лорда Рокхерста, поэтому конфуз и позор Гермионы наблюдали только Индия и Томасин. Подруги ненадолго оставили Гермиону одну. Та взглянула в зеркало и в ужасе закрыла глаза, боясь еще раз увидеть смотревшее на нее привидение.

Господи, ну почему этот человек действует на нее как рвотное?! «Минни, как же ты мечтаешь выйти за него, – любила поддразнивать Виола, – если при одном упоминании о нем, не говоря уже о встрече, у тебя немедленно начинается приступ тошноты?!»

И если бы Гермиона не боялась, что издевки сестры не прекратятся, обязательно объяснила бы Виоле, в чем причина.

Дело даже не в том, что лорд Рокхерст так красив. Нет. Но Гермиона почему-то была твердо уверена, что у него есть какая-то тайна и что именно ей, ей одной суждено судьбой разделить с ним эту тайну.

Придерживая живот одной рукой и обмахиваясь другой, она несколько раз глубоко вздохнула.

Пожалуй, это помогает.

Гермиона открыла глаза и вновь посмотрелась в зеркало. Немного бледнее обычного, однако не настолько, чтобы выглядеть умирающей.

Девушка снова окинула платье критическим взглядом. Силы небесные, этот цвет ей не слишком идет.

Больше всего раздражало то обстоятельство, что теперь всю следующую неделю придется пропадать в лавках в поисках цвета, который может стать ее визитной карточкой, да еще и платить за новый гардероб, хотя, видит бог, деньги на булавки уже истрачены.

Оставалось надеяться, что Себастьян, который в отсутствие отца играл роль главы семьи и управлял финансами, войдет в ее положение, не станет скупиться и ссудит ее необходимыми средствами. Разве не он влюбился в Шарлотту в ту ночь в опере, когда на ней было ослепительно красивое синее вечернее платье?

Все, что ей необходимо, – это идеально подходящее платье.

Снова посмотрев на себя, Гермиона ощутила новый прилив надежды. Что, если граф обожает ноготки?

– Ты сможешь это сделать, Минни, – сказала она себе. – Если он приехал сюда, значит, собирается остепениться и найти невесту. Оглядит всех собравшихся и влюбится в тебя с первого взгляда...

– Боюсь, этому не бывать, – раздался голос за спиной.

Гермиона круто развернулась. Она считала, что, кроме нее, в комнате никого нет, но перед ней стояла леди, почти ровесница ее матери. Гермиона не узнала ее, но, судя по одежде и драгоценностям, она была богата и знатна.

– Он не увидит вас, – повторила незнакомка.

– Я понятия не имею...

– Лорд Рокхерст. Вы только сейчас гадали, заметит ли он вас сегодня ночью. Боюсь, что этого не произойдет.

Гермиона во все глаза уставилась на женщину. Неужели она, сама того не сознавая, говорила вслух? А иначе, как же леди узнала...

– У нас очень мало времени, так что слушайте внимательно.

Гермиона поднялась.

– Простите меня. Мы знакомы?

– О, какая ужасающая невоспитанность с моей стороны! Я Куинс. И так, как уже было сказано, у нас почти нет времени.

– Да, но, леди Куинс...

– Нет, дорогая, просто Куинс. Ваш искренний, искренний друг Куинс.

Леди улыбнулась, и Гермиона заметила, что, если не считать нескольких мелких морщинок у губ, лицо у нее совсем молодое. А огромные голубые глаза сияют неким внутренним светом.

Но несмотря на дорогой наряд и возможную принадлежность к одной из лучших семей, возможно, даже герцогских, Гермиона заподозрила, что женщина безумна.

– Рада была познакомиться э... Куинс, но, думаю, мама уже беспокоится...

– Господи, я и не думала, что все будет так сложно. Надеюсь, что вы, как истинная Марлоу, не окажетесь столь упрямой и недоверчивой подобно Шарлотте.

Шарлотта?!

– Вы знакомы с Шарлоттой?

– Конечно. У вас на пальце ее кольцо. По крайней мере принадлежало ей. Пока она в нем нуждалась. Потом оно стало вашим, когда вы его нашли.

Гермиона стала пятиться к двери. Эта женщина совершенно не в себе.

Однако, услышав ее следующие слова, она застыла как вкопанная.

– Вы загадали желание. В точности как Шарлотта. Конечно, это весьма проблематично, поскольку речь идет о нем, и, осмелюсь сказать, Милтон не слишком будет доволен, но мы сделаем все возможное, чтобы избежать неприятностей.

Уверенность Гермионы в том, что тошнота больше ее не одолеет, мигом испарилась.

– Вы имеете в виду лорда Рокхерста?

Куинс съежилась:

– Умоляю, не произносите вслух это имя!

– Но почему? Что такого страшного в лорде Рокхерсте?

Теперь настала очередь ее собеседницы измениться в лице и позеленеть, и Гермиона решила, что незачем настаивать, тем более что Куинс реагировала на лорда Рокхерста точно так же, как она сама.

Что же, есть некоторое утешение в том, что она не единственная в мире женщина, которую выворачивает при одном упоминании имени графа.

Куинс обернулась и взглянула на дверь, нервно теребя ручки ридикюля.

– Если бы только вы пожелали чего-то более разумного! Я начинаю верить, что Милтон был прав и дело кончится очень плохо.

Гермиона невольно взглянула на свою руку. Под золотистым шелком перчатки отчетливо выделялся бугорок. Может, стоит отдать кольцо леди Шарлотты и покончить с этим? Вряд ли подруга будет возражать, тем более что кольцо ей никогда особенно не нравилось.

Гермиона вновь стянула перчатку, но кольцо по-прежнему плотно обхватывало палец, и как она ни старалась, не могла его снять. На какой-то момент кольцо согрелось и дрогнуло, словно издеваясь над ее попытками избавиться от него.

– Вздор какой-то, – раздраженно бросила Гермиона, надевая перчатку. – Шарлотта ни разу не упоминала ни о каких желаниях!

Леди вздохнула так шумно, что перья в ее волосах затрепетали, как трио нетерпеливых восклицательных знаков.

– Конечно, нет, иначе вы и ее посчитали бы сумасшедшей. Итак, насчет вашего желания...

– Я никогда не загадывала желаний, – перебила Гермиона, вновь обретая уверенность, что именно этот оттенок оранжевого – ее цвет, и вдруг... и вдруг в ее мысли весенним зефиром ворвались слова, произнесенные несколькими минутами раньше: «Хотела бы я стать призраком от заката до рассвета...»

Взглянув на Куинс, девушка обнаружила, что та ободряюще ей кивает:

– Да-да. Ваше желание быть невидимкой. Солнце вот-вот зайдет, и вы должны подготовиться к превращению. Есть некоторые вещи и правила, которые вам необходимо знать, особенно в свете последней части вашего желания...

Но Гермиона уже перестала слушать после слов «быть невидимкой». Необходимо немедленно отыскать мать, которая сможет определить, кто именно эта женщина, и проследит, чтобы ее вернули в семью... или в Бедлам.

Но, попытавшись сделать шаг, Гермиона обнаружила, что колеблется, трепещет, наливаясь странной силой, и невольно взглянула в окно, расположенное высоко в нише. За стеклом розовело небо. Значит, весеннее солнце лениво опускается за горизонт.

Внизу живота стала медленно разворачиваться скрученная пружина, словно пробуждаемая к жизни невидимой рукой.

– Это не может быть правдой... это совершенное безумие, – заявила она, украдкой посмотрев в зеркало и стараясь казаться спокойной и сдержанной. Пришлось даже поправить ленты в волосах, чтобы скрыть нарастающую панику. Полагаю, это затеи Индии и Томасин? Желание было их идеей!

– Может, идея действительно принадлежит им, но жизнь ей дали вы. Итак, либо выслушайте меня сейчас, либо через несколько минут, когда произойдет трансформация.

Нет, она действительно безумна. Трансформация, видите ли!

– О, если бы только Шарлотта была здесь! – воскликнула Куинс. – Она сумела бы убедить вас, что я не какая-то безумная родственница герцога.

Гермиона сжалась.

Каким образом этой женщине удастся читать ее мысли?

– Потому что вы носите кольцо, – ответила Куинс. – Мое кольцо. То есть не совсем мое, но оно когда-то принадлежало мне. Хотя теперь это не важно. Значение имеет только то, что вы, как и Шарлотта, загадали желание. И сейчас оно вот-вот исполнится.

– О чем вы толкуете? Шарлотта никогда не упоминала об этом абсурдном желании. Она унаследовала кольцо от своей двоюродной бабки Урсулы. Жалкая безделушка. Не более того.

– Жалкая безделушка?! – вскинулась Куинс. – Да в одном вашем пальце больше власти, чем у сотни королей! А вы еще недовольны!

Гермиона рывком стащила перчатку и протянула женщине руку:

– Если оно ваше, берите!

– Она говорит «берите», – рассмеялась леди. – Можно подумать, мне это удастся! Всею виной ваше желание! Если забрать кольцо до того, как им воспользуешься, последствия могут быть страшными! – Вздохнув, она погладила Гермиону по руке и оттолкнула. – Впрочем, кольцо не снимется, пока не осуществится желание. Или пока вы от этого желания не откажетесь. Кстати, почему бы не сделать именно так?

– Как именно? – удивилась Гермиона.

– Отказаться от желания, – пояснила Куинс. – Для этого нужно только сказать: «Я отказываюсь от исполнения этого желания».

Гермиона, готовая на все, лишь бы угодить безумной, повторила про себя последнюю фразу.

Куинс огляделась, словно ожидая, что стены рухнут и в ушах раздастся некая небесная какофония, но ничего не произошло, если не считать визга оркестровых инструментов, настраиваемых музыкантами перед началом танцев.

– Придется попробовать еще раз, до того как вы изменитесь. И постарайтесь вложить в слова немного больше убежденности.

Убежденности?

Гермиона направилась к двери. Сейчас она была убеждена в одном: эта женщина крайне нуждается в помощи.

– Может, вам кого-то позвать?

Например, раззяву-надзирателя из Бедлама.

Однако Куинс вцепилась ей в руку, одновременно показывая на окно, где небо стало темно-алым.

– Помните, что даже невидимок можно коснуться. Ранить. Убить. Раздавить экипажем. Вам следует быть очень осторожной. – Помолчав, она постучала веером по губам. – Невидима, невидима... давно уже никто не загадывал подобного желания. Конечно, я должна о многом вас предупредить, но, боюсь, память уже не так хороша, как прежде. – Она снова пустила в ход веер, прежде чем добавить: – Ах да! Все, что вы держите в руке или носите, тоже станет невидимым. И помните, на рассвете вы примете обычный вид. Поэтому постарайтесь к этому времени оказаться дома.

– Это совершенная чепуха, – объявила Гермиона, пытаясь освободиться. Она не собирается стоять здесь и слушать бред бедняжки! Слово какое-то желание может сделать тебя невидимкой!

Но настойчивая мысль продолжала ее терзать: «А если в этом бреде есть доля правды?»»

Шарлотта. Желание Шарлотты. Разве Шарлотта не претерпела поразительной метаморфозы почти с того момента, как получила кольцо? Превращение из забытой старой девы в блестящую светскую львицу казалось чем-то вроде волшебной сказки. Чем-то вроде осуществленного желания.

Но этого быть не может! Откуда у обычного кольца такая сила?

Гермиона устремила панический взгляд на Куинс. Та кивнула в сторону окна, где солнце наконец садилось за горизонт. И когда последний луч померк, огонь и жар наполнили душу Гермионы. Ужасный шум обрушился на нее, словно этот огонь вырвался на волю. Она заткнула уши, но рев стал еще громче. Оторвав взгляд от окна, Гермиона посмотрелась в зеркало и увидела последнее доказательство безумия Куинс.

Потому что вот только сейчас она стояла перед зеркалом в вечернем платье, готовая услышать слова восхищения из уст лорда Рокхерста. А в следующий момент растаяла...

– Дражайшая леди Уолбрук, – начала Куинс, сжимая руку матроны, – как приятно снова видеть вас. Ваш туалет выше всяких похвал и очень вам идет.

Как и ожидалось, графиня улыбнулась, хоть и немного раздраженно.

– Спасибо. Большое спасибо, – пробормотала она и, вместо того чтобы попросить Куинс представиться, продолжала без умолку трещать: – Увидев ткань, я поняла, что не смогу без нее жить. Эта ткань и поразительное искусство мадам Клодиус помогли создать идеальное платье для таких вечеров. Слишком много народу сегодня, не находите? Бьюсь об заклад, патронессы готовы втиснуть сюда кого угодно!

– Вы совершенно правы, – согласилась Куинс. – Собственно говоря, я подошла к вам, чтобы передать послание от дочери.

- От Гермионы? - всполошилась леди Уолбрук, осматриваясь. - Где она?

- Боюсь, ей стало плохо в дамской комнате.

Леди Уолбрук презрительно фыркнула:

- Значит, она услышала о прибытии Рокхерста, и ее тут же вывернуло наизнанку! Что же, нет смысла здесь торчать. Я немедленно увожу ее домой.

- О, не стоит! - возразила Куинс. - Ваш сын был так добр, что обо всем позаботился. Они не хотели портить вам вечер.

- Какой кошмар! - пожаловалась леди Уолбрук. - Этот негодник Гриффин наверняка был рад сбежать! Но бедняжка, бедняжка Гермиона! Что мне с ней делать. - Кружевной веер дрогнул в ее руке. Глядя на танцующие пары, графиня вздохнула: - Полагаю, мне стоит остаться, чтобы своими глазами видеть, что происходило на балу. А вот и матушка лорда Хастингса! Наверное, хочет узнать, почему Минни здесь нет, тем более что один танец был обещан ее сыну. Нужно что-то придумать... Ах да, благодарю вас, леди... леди...

- Просто Куинс, мадам. Просто Куинс, - сказала она графине.

Леди Уолбрук кивнула и растворилась в толпе. Чья-то рука оттащила Куинс обратно в тень.

- Прекрасная работа, - похвалил Милтон.

- Ты еще здесь? - удивилась она.

- Мне казалось, что ты должна вернуть мне кольцо.

Лицо Милтона словно окаменело.

- Правда, это было до того, как ты позволила ей загадать желание.

- Я... позволила? - пролепетала Куинс.

Но Милтон совсем разошелся. Потянул ее глубже в тень и понизил голос:

- Ты поняла, что она пожелала? И что это может означать?

- Конечно, поняла. И смысл ее желания, и последствия, - вздохнула Куинс. - И что ты предлагаешь? Что мы должны сделать?

- Мы?! - Милтон покачал головой. - Я не собираюсь участвовать во всем этом. Особенно еще и потому, что ты была весьма неубедительна, объясняя, что она может отказаться от желания.

- Каким образом ты это услышал? - спросила Куинс. - Неужели маячил за дверью дамской комнаты? - Она укоризненно прищелкнула языком. - А я-то считала, что такие ребяческие проделки тебе уже не по возрасту.

- Я вовсе не маячил, как ты изволила заметить. Просто хотел посмотреть, собираешься ли ты исполнить свое обещание и вернуть кольцо, прежде чем случится очередная неприятность. - Он взглянул на дальнюю стену, у которой стояла Гермiona, не видимая никому, кроме Куинс и Милтона. - И вот теперь расхлебывай последствия. - Он содрогнулся и прижал пальцы ко лбу.

- Это всего лишь короткий приступ невидимости, - отмахнулась Куинс, - который ей быстро надоест. И тогда ты получишь свое кольцо.

- А если не надоест? Вспомни другую часть желания! Она хочет общаться с ним!

Оба не сговариваясь посмотрели на лорда Рокхерста, который широкими шагами направлялся в их сторону. Инстинктивно попятившись, они спрятались в темной нише и дали ему пройти.

- Что, если она последует за ним? Обнаружит...

Лицо Милтона приобрело тот же зеленоватый оттенок, что ранее у Куинс.

- Ты должна взять назад это желание.

- Ты не хуже меня знаешь, что я не могу это сделать, - покачала головой Куинс.

– Зато она может. Убеди ее отказаться от желания, прежде чем... – Он вдруг осекся, но Куинс была слишком уязвлена, чтобы это заметить.

– Почему ты вечно беспокоишься из-за мелочей? – проворчала она, изучая свой веер. – Если бы только...

– Куинс...

– Милтон, скажи, почему ты всегда твердо убежден, что несчастье ждет за порогом? Если бы ты только допустил...

– Куинс! Где она?

– Кто? – удивилась Куинс.

– Эта твоя девчонка. Куда она пропала?

Куинс поперхнулась.

Рокхерст!

Оба сразу поняли, что произошло, но на всякий случай еще раз оглядели зал, дабы убедиться, что граф тоже исчез.

– Она не посмеет! – выдавил Милтон.

– О небо, она уже осмелилась, – охнула Куинс, хватаясь за него, чтобы не упасть.

Это было не то несчастье, которое предсказывал Милтон. Это несчастье уже грянуло.

– Черт побери, что же мне теперь делать? – пролепетала Гермиона, оглядывая собственный рукав. Сама она видела шелк цвета ногтей, но зеркало отражало именно то, что пожелала Гермиона несколько часов назад. То, что так подробно

описывалось в дурацком французском романе о проклятой душе Зои. То есть ничего. Никто из окружающих не видел элегантною платья, красивой прически и даже изящных туфелек, выбранных ею потому, что кружевные ленточки так соблазнительно обвивали щиколотки и икры, а если леди знала, как приподнять подол во время танца, мужчины могли полюбоваться стройными ножками.

Но теперь можно сказать, что деньги потрачены зря!

Мимо прошел лорд Хастингс, по-прежнему держа чаши с пуншем. Вероятно, искал Гермину. Та уже открыла рот, чтобы позвать его, но, сообразив, что он все равно ее не увидит, поспешно сжала губы.

Бедняга не может найти ее, даже когда она видима! Что говорить о ее нынешнем состоянии?

Но тут, на удачу лорда Хастингса, подбежавшие Индия и Томасин в два счета избавили его от обременительной ноши и рассказали о болезни подруги.

Гермина мысленно поблагодарила девушек. Молодой барон очертя голову ринулся в капкан, пригласив Индию на танец.

– О, несчастная Индия, – прошептала Гермину, наблюдая, как подруга кладет руку на рукав барона. Хастингс был ужасным занудой, и подруги вечно подшучивали над Гермину, удостоенной его особого внимания. – Она никогда не простит меня за то, что пришлось с ним танцевать.

И, что хуже всего, как ОН теперь ее заметит? ОН. Не Хастингс.

ОН. Единственный, кто затронул ее сердце. Рокхерст.

Гермина вздохнула и оглядела комнату. И первым делом увидела Куинс, извиняющуюся перед ее матерью. Похоже, леди Уолбрук мгновенно поверила всему, что наплела ей Куинс. Ничего не скажешь, иногда неплохо иметь мать, которая... которая... скажем, несколько рассеянна. Но где, дьявол бы все побрал, обретается Рокхерст?! Ей как всегда везет! Загадать бессмысленное желание, только чтобы узнать об исчезновении графа!

Однако когда Гермиона уже хотела сдаться, мимо нее прошел высокий мужчина. Горло ее перехватила знакомая тошнота. Та самая, которая одолевала каждый раз, когда рядом появлялся граф.

Обернувшись, Гермиона увидела, что граф остановился шагах в десяти от нее. Помедлил у входа, который, как она считала раньше, предназначался для слуг. И сейчас ей показалось, что он пронзил ее взглядом.

Разумеется, это чушь. Он не может ее видеть.

Впрочем, он и раньше ее не замечал.

И все же равнодушие графа так подействовало ей на нервы, что Гермиона была готова метнуться в дамскую комнату. До нее только сейчас дошло, что она никогда еще не была столь близко от графа. Только раньше у нее не хватало смелости так дерзко на него пялиться. Любоваться рыжеватыми, как отшлифованное золото, зачесанными назад волосами. Непонятно, как не рассыпается эта волнистая грива!

Ногти Гермионы впились в ладони. Она не сводила глаз с четкой линии его подбородка. Ей всегда хотелось обвести пальцем его подбородок, линию сурово сжатых губ. И глаза... она так долго мечтала, чтобы эти синие глаза смотрели только в ее сторону. Сияли только для нее. Чтобы держали ее в волшебном плену.

И тогда он пересечет многолюдный зал, проигнорировав всех и вся, и бросится к ней, обжигая горячим в глазах желанием. А она, окруженная поклонниками и обожателями, сделает вид, будто не замечает его. Но он оттолкнет их, чтобы взять ее руку.

Однако прежде чем Гермиона добралась до своей любимой сцены, где он целует ее, а она теряет сознание под протестующий возглас матрон, возмущенных столь непристойным поведением, что-то подтолкнуло ее и заставило встрепенуться.

Открыв глаза, Гермиона обнаружила, что графа в зале нет. Он выскользнул в дверь и ушел. Но еще более странным оказалось то, что она так и не поняла, кто ее толкнул: вокруг никого не было. Однако тут ее потащили к двери, за которой

исчез граф.

Сначала Гермиона подчинилась, но когда попыталась противиться, ее потянули к двери с такой силой, что она невольно взглянула на руку, где и оказался злоумышленник, не желавший спокойно сидеть на ее пальце. Кольцо Шарлотты!

Гермиона замерла, одолеваемая чем-то вроде тошноты и еще... Любопытством. Несомненным, невыносимым любопытством.

«Куда это так спешит граф Рокхерст?!»

И действительно ли ее тянет вперед кольцо или желание раскрыть его тайны?

Не пытаясь разобраться в собственных ощущениях, Гермиона бросилась к двери. Кольцо, словно обрадовавшись, потянуло ее вперед. Она пробежала по узкому коридору, который, как оказалось, вел к кухне, где царил настоящий хаос. Впрочем, и неудивительно: вечер был в самом разгаре.

Но одно дело – грациозно скользить среди многочисленных гостей, даже когда тебя все видят, и совсем другое – пробираться через толпы слуг с чашками и подносами печально известных своей черствостью и полным отсутствием вкуса сэндвичей и бисквитов «Олмака», да еще когда ты невидим.

Но Гермиона успела заметить, как объект ее слежки выходит в темный переулок, и не смогла противиться безумному желанию последовать за ним.

Она рванула за ним, едва избегая столкновений со слугами, и это ей почти удалось, когда перед ней вырос здоровенный лакей, нагруженный огромным подносом с чашками. Второй лакей отступил в сторону, но при этом наткнулся на Гермиону. Та налетела на поднос и не упала только потому, что схватилась за его край. Поднос накренился, и чашки разлетелись во все стороны.

– Смотри, идиот, что ты наделал! – завопил пострадавший.

Обвиняемый мрачно уставился на своего собрата.

– Я и близко к тебе не подходил! И нечего винить меня, если у самого руки-крюки!

– О господи, – прошептала Гермиона, боясь, что дело дойдет до драки. – Наверное, впредь придется быть поосторожнее!

Пробежав несколько шагов до порога, она выскочила в темноту. Как отличался этот неприметный вход от величественного подъезда «Олмака»! В почти полном мраке было нелегко различить дорогу. Гермиона раздраженно поморщилась, не совсем представляя, что теперь делать. Только подняв голову, она увидела впереди, в конце переулочка, силуэт волкодава, освещенного тусклым фонарем.

– Роуэн, – прошептала она с облегченным вздохом. Она и не подозревала, что так обрадуется при виде огромного пса графа. Если Роуэн здесь, значит, и хозяин недалеко.

И тут, словно по сигналу, из темноты выступил Рокхерст и, протянув руку, потрепал друга по голове. Пес поднял голову и взглянул на хозяина. Оба несколько минут стояли на краю ночи, словно опасаясь ступить в круг света, оставаясь в благословенном укрытии темноты.

На этот раз у Гермионы перехватило дыхание по другим причинам. Она не могла отделаться от мысли, что эти двое не раз стояли в такой позе, наблюдая, как тьма опускается на город. Почему-то сразу стало ясно, что ночные занятия графа не имеют ничего общего с сидением у постелей сирот или с помощью солдатским вдовам. Зябко передернув плечами, Гермиона подкралась к ним, подгоняемая непонятным ей самой желанием.

И сама не знала, хочет ли понять...

В этот момент к обочине подкатил экипаж. Кучер спрыгнул с высокого облучка.

– Милорд, – приветствовал он с поклоном.

– Добрый вечер, Танстолл.

– Добрый вечер, милорд. Я слышал кое-что весьма интересное...

Гермиона продолжала подкрадываться ближе, не в силах разобрать дальнейших слов лорда Рокхерста. Ее не остановило даже то обстоятельство, что туфля попала в какую-то мерзость. В скудном освещении было трудно сказать, на что именно она наступила, но, похоже, утром туфли можно будет выбросить. И она уж точно не собиралась разуваться, чтобы увидеть всю величину причиненного ущерба. В этом случае она обязательно испортит перчатки. А это ее лучшая пара: несколько недель ушло на то, чтобы отыскать нужный оттенок шелка и узор вышивки...

К действительности ее вернул тихий смех Рокхерста.

– Говоришь, Трента с женой выкинули из Британского музея? Боже, мисс Уилмонт воистину необыкновенная женщина, если Трент потерял от нее голову настолько, чтобы... И кто бы мог подумать...

Граф осекся, и Гермиона могла бы поклясться, что он смотрит в сторону Мейфэра, в сторону Беркли-сквер, где находился их дом.

Ревность уколола ее. Значит, граф равнодушен к Шарлотте?! Все еще равнодушен, хотя Шарлотта никогда не носила ничего оранжевого.

Гермиона нервно выпрямилась. Значит, на графа так подействовало синее вечернее платье, которое, по ее настоянию, купила Шарлотта? Что ж, завтра с утра она едет в лавку мадам Клодиус и попросит сшить такое же платье!

И тогда она наденет его на званый вечер леди Хогшо, и граф не сумеет...

Кольцо потянуло ее вперед с такой силой, что Гермиона споткнулась.

«Да-да», – мысленно уговаривала его Гермиона, сообразив, что мечты о новых платьях ничего не стоят, пока она остается невидимкой. Поэтому ничего не оставалось, кроме как идти за графом, пока не закончится срок действия непонятного волшебства. Но игра стоила свеч. Она обнаружит его тайные пристрастия, а потом станет сама собой. Прежней.

План казался вполне разумным, однако, подняв глаза, Гермиона увидела, как Рокхерст прыгает на облучок своего экипажа.

– Наймешь кеб и вернешься домой, – велел он, бросив Танстоллу монету, – а потом ложись спать. Вряд ли я вернусь домой до рассвета.

Он свистнул Роуэну, который, немного попятившись, пригнулся и прыгнул на свое место рядом с хозяином.

Гермиона оглянулась на вход в «Олмак». Она клятвенно пообещала Куинс, что будет ждать в нише, но сейчас, когда представилась такая возможность, тут не до клятв.

Собрав поводья, Рокхерст свистнул лошадям. Те, насторожив уши, заплясали на месте. И Гермиона, словно влекомая пением дудочки Гаммельнского крысолова, опомнилась, рванулась к экипажу и вскочила на запятки.

К счастью, мостовая была неровной, и когда экипаж покачнулся под ее весом, это заметил только Роуэн, который тут же залаял и зарычал.

Рокхерст оглянулся и, ничего не увидев, почесал пса за ухом.

– Сиди смирно, глупый пес! Ничего там нет! Береги силы для предстоящей драки.

Драки? Что это означает?

Гермиона пожала плечами. Возможно, граф шутит?

По крайней мере она так считала, пока они не покинули богатые кварталы Лондона, того Лондона, который знала Гермиона, и очень быстро спустились в самые глубины ада.

Дом на темной улице отличался от остальных убогих лавчонок и лачуг только большим павлином, намалеванным на двойных дверях.

Когда Рокхерст остановил лошадей перед ним, сердце Гермионы упало, потому что втайне она не просто желала, а воображала, что ночные похождения Рокхерста имеют великую цель: он играет, чтобы помочь сиротам, чтобы спасти благородного, но обедневшего кузена из французской тюрьмы.

Однако его сегодняшний приезд сюда не имел отношения ни к чему великому, решила Гермиона, пытаясь рассмотреть тени людей, двигавшихся по темной улице. Интересно, что они так старательно обходили графа, словно этого человека стоило опасаться. А сам граф продолжал стоять, небрежно опершись о дверцу экипажа. Нагнулся, чиркнул спичкой по подошве и зажег манильскую сигару, не обращая внимания ни на что, кроме ее тлеющего кончика.

Из распахнутых окон лился мягкий свет и доносился смех, грубый и вульгарный, раздавались не только мужские, но и женские голоса.

Наверное, это именно такое место, за посещение которого Себастьян ругал Гриффина. Гермиона тогда подслушала, как старший брат говорил младшему, что не стоит позорить себя походами в подобные заведения. По крайней мере она посчитала, что это один из лондонских игорных домов, пользующихся печальной славой, где за одну ночь проигрывались огромные состояния – наследственные и сколоченные всяческими нечестными махинациями. Здесь играли аристократы и негодяи, простой торговец и герцог.

Рокхерст продолжал выжидать, но чего именно? Гермиона не знала.

А вот Роуэн спрыгнул вниз и решительно направился к запяткам.

– Хорошая собачка, – прошептала она. – Лапочка Роуэн.

Пес негромко зарычал, а потом разразился таким лаем, словно вот-вот настанет конец света.

– Роуэн! – рявкнул граф, затушив сигару каблуком и подходя к тому месту, где скорчилась Гермиона. – Немедленно успокойся!

Гермиона затаила дыхание. Она всего несколько раз бывала в такой близости от Рокхерста, и сейчас желудок скрутило с новой силой.

О нет, этого допустить нельзя!

Гермиона судорожно зажала ладонью рот. Не дай бог, ее вырвет! И тогда граф точно все поймет... если только чертов пес не выдаст ее первым.

Но тут двери с павлином распахнулись и наружу вырвались свет, музыка и смех. По ступенькам спускалась настоящая великанша, не только непомерно толстая, но и ростом не ниже графа. Ярко-красное платье с непристойно большим вырезом и кричащий макияж придавали ей еще более устрашающий вид.

В этот момент Гермиону вдруг осенило. Еще раз оглядев женщину и окна верхнего этажа, она тихо охнула и раскрыла рот. Это не игорный дом... а бордель!

До сих пор Гермиона не желала слушать никаких сплетен о графе и считала их прямой клеветой.

Но теперь... теперь, глядя на женщину, Гермиона поняла, что ей сейчас будет плохо.

Так вот какого рода женщин предпочитает Рокхерст?!

Но это было до того, как заговорила странная особа грубым, хриплым басом, привлекая внимание Гермионы быстрее, чем скидки на шелк.

– Рокхерст, дьявол вас побери! Вам давно пора тащить сюда свой зад! Все заведение летит прямо к черту. В буквальном смысле! Если вы ничего не сделаете, я не получу сегодня ни цента прибыли, так что поторопитесь!

– Святой Боже! – пробормотала Гермиона. Так это... это мужчина в женском платье!

И если хорошенько приглядеться, он смотрелся одним из актеров-любителей из тех спектаклей, в которых так любила участвовать ее мать. Правда, Гермиону ничуть это не утешило.

– Я вполне могу уехать, Кэппон, – объявил граф и, свистнув Роуэну, снова взобрался на облучок. – И поделом тебе. Кто не заплатил за последний раз, когда меня сюда притащили?

Последовало короткое молчание.

Рокхерст пожал плечами и снова взялся за поводья.

– Только посмейте, Рокхерст! – завопил Кэппон, спускаясь по ступенькам крыльца. Толстые мясистые пальцы вцепились в красную шелковую юбку, приподнимая подол над грязью тротуара. – Здесь у вас определенные обязанности.

– А ты обязан платить мне, – парировал Рокхерст. – Таков договор, не помнишь?

Они уставились друг на друга. Граф – спокойно и с достоинством. А вот Кэппон явно волновался: губы непрестанно шевелились, словно он произносил длинную речь.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем Кэппон щелкнул пальцами, и на крыльце появился карлик в таких же ярких шелках. При виде хозяина он поспешил вниз.

– Заплати его милости, Тиббетс, – приказал Кэппон.

Карлик швырнул Рокхерсту кошель. Тот поймал его на лету и взвесил на ладони, словно пытаясь определить величину содержимого.

– Немного не хватает, – объявил он, обертывая поводья вокруг пальцев. Лошади приплясывали от нетерпения, очевидно, спеша, как всякое разумное существо, поскорее покинуть это место.

Кэппон раздраженно вздохнул, но все же пробурчал:

– Остальное, Тиббетс. Отдай ему остальное.

В Рокхерста полетел еще один кошелек. Граф поймал его так же ловко, как первый. Кошелек тяжело упал в руку, монеты зазвенели.

– Вот это уже ближе к делу, – заметил граф. Он выудил из-под облучка кареты тяжелый мешок и перекинул через плечо. Содержимое зазвенело точно так же, как монеты в кошельке.

– Итак, кого требуется убить на этот раз?

Глава 3

Убить?!

Гермиона едва не свалилась с запяток.

На этот раз?

Что он хотел этим сказать?

А она еще волновалась, что граф окажется повесой!

Рокхерст тем временем легко взбежал по ступенькам. Рядом семенил Роуэн. В поведении графа не было ничего необычного. Ничего, что могло бы указать на то, что он вот-вот совершит убийство!

Экипаж двинулся с места, и Гермиона едва удержалась от падения. Оказалось, что слуга Рокхерста уводит лошадей.

Черт возьми! У нее есть выбор! Она может спрятаться в экипаже графа и надеяться, что тот вернется до рассвета, или последовать за ним в этот кошмарный дом.

Но тут, как обычно, кольцо решило за нее, что ей делать, и Гермиона свалилась вниз, с глухим стуком приземлившись на грязный тротуар. Вот только этого не хватало! Теперь платье наверняка погублено.

Оглядевшись, она поняла, что осталась в одиночестве: Рокхерст и Кэппон уже были на верхней ступеньке.

Но одно Гермиона знала точно: она не собирается остаться здесь, в этом ужасном окружении. Пусть она невидима, и все же создания, скрывающиеся в

тени, наводили на нее ужас.

Осторожно поднявшись, она поспешила за Рокхерстом.

«Убийство, вот как?» – подумала она. Все это шутка, причем не слишком остроумная. Она просто не так поняла графа!

Правда, эти мысли не прибавили ей мужества, поскольку экипаж графа, последний осколок цивилизации, исчез за углом.

Роуэн повернул лобастую голову и зарычал на нее, но Гермионе было все равно. Уж лучше быть покусанной страшным волкодавом, чем оставаться на улице среди воров и нищих.

Едва она оказалась в ярко освещенной передней заведения Кэппона, как мрак мгновенно рассеялся. Рокхерст, очевидно, хорошо знакомый с окружающей обстановкой, уверенно шел вперед, а вот Гермиона снова застыла на месте.

До этой минуты она никогда не видела ничего подобного. Не то чтобы она чуралась красочных цветовых комбинаций. Но даже на ее взгляд радуга шелков и бархатов ошеломляла. А ведь это всего лишь драпировки и гардины, а не бросавшиеся в глаза костюмы клиентов и... э... служащих Кэппона.

«Глаза вниз!» – приказала она себе, внезапно ощутив себя невинной девочкой вроде Виолы, а не мисс, давно уже покинувшей школьную скамью и оставившей позади два лондонских сезона. Конечно, тут похвастаться нечем, но в этой ситуации, по мнению Гермионы, несколько лет, проведенных в обществе, дают кое-какие преимущества.

По крайней мере так она считала.

Собравшись с духом, она глубоко вздохнула и подняла голову.

Вызывающе одетая женщина, стоя на середине лестницы, энергично махала графу.

Во всяком случае, Гермиона надеялась, что это женщина. После ошибки с Кэппоном она была не вполне уверена, что может что-то сказать наверняка.

– Да неужели это сам дьявол?! Рокхерст, дорогой! – позвала леди, так рискованно перегибаясь через перила, что груди, казалось, вот-вот вырвутся на свободу из атласной ловушки. – Когда ты покончишь с этим омерзительным делом, приходи и прикончи меня тем неотразимым стальным оружием, что рвется у тебя из панталон! Мои бедра всегда рады стать твоими ножнами. И обещаю... не слишком сопротивляться, – подмигнула она графу.

– Я все еще не убежден, Эсси, что ты в моем вкусе, – откликнулся граф. – А вдруг ты прячешь под юбками такую же штуку, о которой Кэппон с радостью бы забыл?

– Да, но у Кэппона нет вот этих голубок! – воскликнула она и в доказательство оттянула вырез, выставив напоказ груди.

В передней раздались смех, свистки и одобрительные вопли. Эсси трясла грудью, что еще больше возбуждало собравшихся.

– Посмотрим, как я управлюсь, Эсси. Но если и умру, унесу с собой в ад чудесные воспоминания о том, что сейчас видел.

– А это не ад, а рай, Рокхерст, – кокетливо объявила Эсси, заправляя груди в корсаж. – Рай на земле!

На этот раз засмеялся даже граф.

Ничего не скажешь, такого в «Олмаке» не показывают!

Покачав головой, Гермиона направилась вслед за Рокхерстом и Кэппоном в дальний конец холла. По пути ей пришлось миновать странную парочку: мужчина, стоявший на коленях, был почти целиком скрыт женскими юбками, откуда наружу высывались только его сапоги.

Гермиона видела нечто подобное в альбоме французских гравюр, который мать хранила в гардеробной на верхней полке, но в то время она не поняла, что все

это означает. Зато теперь, видя неопишное наслаждение, разлитое по лицу женщины, пьяно льнувшей к любовнику, Гермиона решила, что французы далеко не так глупы и смехотворны, как она считала раньше.

- О, дорогой, скорее, скорее, - стонала женщина. - О да-да, вот так.

Кэппон и граф о чем-то спорили, стоя перед закрытой дверью, которая скорее всего вела в переулок за домом.

Господи, только не очередной переулок!

А Гермиона так надеялась, что не испортит перчатки до конца вечера! Кроме того, если такова улица перед домом, каков же будет переулок?!

Забыв о любовниках, она подобралась поближе к графу и Кэппону, но тут на ее пути встал Роуэн. Пес уставился на нее хищным взглядом.

Гермиона ничуть не усомнилась, что он ее видит.

- Уходи, - прошептала она, пытаясь отогнать огромного волкодава. - Прекрати все это!

- Прекратить? - удивился мужчина, выглядывая из-под юбок партнерши. - То есть как это - «прекрати»? Я думал, тебе нравится.

- Я ни слова не сказала! - возразила женщина, толкнув его голову обратно под юбки.

- Но я сам слышал... - настаивал мужчина.

- Ничего подобного! Скоро ты заявишь, что этот мерзкий пес беседует с тобой! Немедленно доведи дело до конца, или потом я не позволю тебе никаких новомодных штучек!

Мужчина еще раз оглянулся на то место, где стояла Гермиона, и снова нырнул под юбки шлюхи.

Гермиона повернулась к ним спиной, стараясь не слышать стонов женщины и сосредоточиться на предмете обсуждения мужчин.

– Понятия не имею, как она открылась, – жаловался владелец заведения. – Но она открыта, а это скверно отражается на деле, говорю я вам.

Рокхерст сложил руки на груди и упрямо выдвинул подбородок:

– Значит, кто-то открывает дверь. Это не просто совпадение: в нынешнем месяце меня трижды вызывали сюда по этому поводу!

Владелец пожал плечами.

– Я прикажу Тиббетсу проследить за этой дверью. У него поразительное чутье. Иногда мне кажется, что его мамаша была терьером: сам он способен залезать в самые мерзкие крысиные норы. И при определенном поощрении он докопается до истины.

– Да уж, позаботься, чтобы он докопался! – хмыкнул Рокхерст. – Не хотелось бы, чтобы кто-то пострадал.

– Боюсь, уже слишком поздно, – вздохнул Кэппон, снимая с шеи длинную цепочку и вытаскивая из-за пазухи висевший на ней ключ. Он почему-то не спешил вставить его в скважину. – Вам следует знать... ну... как бы это лучше выразиться... Новенькая девушка Салли... – Перекрестившись, он сунул ключ в скважину. – Ее прикончил один из них.

Рокхерст сжал его руку, державшую ключи:

– Ты уверен?

– О да! Ее нашли... то есть Салли нашла ее...

– Не договаривай. Я знаю, что она нашла.

Граф отвернулся, но Гермиона успела заметить, что он дрожит. Она слышала тихую муку в его словах, однако такая... такая скорбь вовсе не может быть

присуща человеку, который, по мнению общества, способен думать только о собственных развлечениях.

– В этом нет вашей вины, милорд, – пролепетал Кэппон. – И быть не может. Такие вещи случаются.

– Но не с моими людьми. Не в моем королевстве.

– Ну да, конечно! И как может единственный человек чувствовать себя ответственным за весь Лондон? Такое просто невозможно. Вы окончательно спяните, если начнете волноваться за каждую юбку и каждого оборванца, которым всадили нож в живот.

– Я за них отвечаю.

– Так-то оно так, но им стоило бы знать, что здесь шататься по ночам опасно. Все, кто вырос в Дайалсе, учатся этому едва ли не с пеленок. Но кое-кто ничего не желает слушать... или просто не верит.

– Тогда давай сделаем так, чтобы они могли гулять по ночам, не думая об опасности, – заявил Рокхерст, выпрямляясь.

– Да не оставит вас Господь, милорд, – кивнул Кэппон и, повернув ключ, налег плечом на тяжелую дверь.

Рокхерст снова взвалил на плечо большой кожаный мешок и свистнул Роуэну.

Но собака продолжала смотреть на Гермиону.

– Думаю, ваш пес – натура созерцательная, – рассмеялся Кэппон, посчитав, что Роуэн наблюдает за парочкой любовников. – Я обычно беру по две гинеи за сеанс.

– Вычти из моего счета, – фыркнул Рокхерст и снова свистнул, на этот раз громче и резче.

Роуэн немедленно повернулся, однако прежде чем ринуться к хозяину, еще раз взглянул на Гермionу, и в его глазах отчетливо читалось: «Я с тобой еще не покончил».

Прежняя дилемма возникла у Гермionы: идти за графом или оставаться в относительной безопасности заведения Кэппона. Но томные стоны шлюхи и боязнь застрять здесь до утра толкнули ее вперед.

Это и ужасающее откровение Кэппона: «Ее нашли... то есть Салли нашла ее...»

В каком бы состоянии ни нашли несчастную девушку, Гермionа не желала закончить жизнь в подобных обстоятельствах. Но как бы там ни было, а она не спускала глаз с широких плеч Рокхерста.

«Постарайся уберечь меня, – взмолилась она про себя и, глубоко вздохнув, добавила еще одну молитву: – Или по крайней мере спаси мои перчатки».

Рокхерст вышел в переулок, поднял голову и понюхал воздух. Глаза могли обманывать, но граф давно уже понял, что обоняние – самое надежное из всех пяти чувств. Роуэн пробежал мимо и встал впереди. Оба насторожились и несколько секунд ожидали, пока все успокоится. Следовало правильно оценить окружающую обстановку.

Из окон через прозрачные занавеси лился свет, заливая переулок призрачным сиянием.

Графу почему-то стало не по себе. Он быстро обернулся. Но не увидел ничего, кроме закрытой двери заведения Кэппона.

Но граф продолжал обзирать пустое пространство: всю ночь его преследовало ощущение постоянно ведущейся слежки. На несколько секунд Рокхерст замер, прикрыл глаза и попытался действовать, как подсказывала интуиция, но по-прежнему ничего не различил. Может, Кэппон прав, и он действительно сходит с ума?

Рокхерст задумчиво вздохнул и уставился в пустоту. И тут до него дошло. Запах духов! Не дешевых и резких, которыми так любили пользоваться Кэппон и его

потрепанные голубки, а нежный аромат весенних цветов. Тот, что предпочитали большеглазые лани, гарцующие по Мейфэру.

Граф снова вдохнул, но на этот раз в нос ударила вонь мусора, от которой могли перевернуться самые закаленные желудки.

И что это он себе вообразил?! Весна в Севен-Дайалсе?! Да, он действительно спятил! Яблоневый цвет, видите ли!

Тем не менее он еще раз посмотрел на ступеньки крыльца и, не заметив ничего особенного, принялся за дело.

Решив, что ни к чему портить новый фрак, он разделся. И без того камердинер достаточно настрадался от пятен на жилетах, потерянных галстуков и порванных панталон. Кроме того, ему нравился покрой этого фрака.

Освободившись от сковывающей одежды, он потянулся и встал на колени рядом с большим мешком. Сунув в него руку, он снова огляделся, держа под контролем всю окружающую обстановку. Ему не было необходимости заглядывать внутрь; содержимое мешка было ему знакомо, как собственная ладонь. Когда пальцы обвились вокруг гладкой дубовой рукоятки, граф улыбнулся, вытащил арбалет и стал осматривать.

Стоило ему поднять арбалет, как уши Роуэна дрогнули. Рокхерст насторожился.

– Да, я тоже слышал, – прошептал он волкодаву, оборачиваясь.

Вздых. Едва слышный вздох.

Но рядом никого не было! Ни одной живой души!

– Выходи! – приказал граф, целясь из арбалета в направлении, откуда донесся вздох. – Немедленно выходи!

Ответом было молчание. Простояв в этой позе целую вечность, Рокхерст снова крикнул:

– Выходи, пока я не рассердился!

Ничего. Ни малейшего шороха.

Что это с ним творится последнее время? Ухаживает за уважаемыми старыми девами... посещает «Олмак»... Ощущает аромат цветущих яблонь в переулке Кэппона... Позволяет бесчисленным дырам появляться по всему Лондону.

Рокхерст покачал головой и расслабился. Этот сезон привнес в его душу непонятное беспокойство. На какой-то короткий миг он вообразил, будто мисс Уилмонт может разделить с ним его опасную, отчаянную жизнь, но оказалось, что ее сердце отдано другому. А теперь он по-прежнему один и по-прежнему ждет...

Вот только чего именно?

Но во всяком случае, он не найдет того, что уготовила ему судьба, в этом забытом Богом переулке. Особенно пока не закончит дело, ради которого пришел сюда.

Рокхерст снова полез в мешок и вытащил Карпио, короткий меч, который, если верить семейным легендам, бесчисленное количество раз спасал жизнь первого Рокхерста и охранял каждого следующего графа. Как Рокхерст любил этот меч с осыпанной драгоценными камнями рукоятью! Выкованный в Испании, он до сих пор сохранял свою мощь и был так же остр, как в тот день, когда появился на свет. Проверив, все ли в порядке, Рокхерст довольно кивнул и осторожно вложил меч в простой чехол, специально вшитый камердинером в его пояс.

В довершение приготовлений он сунул за пояс два пистолета. Конечно, они не решат исхода сражения, но помогут потянуть время, если что-нибудь пойдет... пойдет... наперекосяк.

Эта мысль встревожила его настолько, что он снова оглянулся.

Ничего, кроме тьмы.

А вдруг Эсси права? Женщина! Вот, что ему необходимо. Это решит все.

Рокхерст усмехнулся.

Это уже само по себе безумие! Когда это женщина приносила мужчине что-то, кроме неприятностей?!

Гермиона все еще старалась отдышаться, хотя Рокхерст уже не целился в нее из арбалета.

Поверить невозможно! Арбалет?!

В какой средневековый ужас она попала? Джентльмены не разгуливают по Лондону, вооруженные так, словно готовятся к турниру крестоносцев!

И все же оказалось, что граф Рокхерст носит в кожаном мешке целый арсенал! Зловещего вида ножи, пару пистолетов, короткий меч.

Она внезапно пожалела, что сейчас граф не нежится в объятиях Эсси, Падшей Голубки, и что это не худший из его грехов!

Убийство? Смерть? А она легкомысленно отмахнулась от его утверждений, как от глупой шутки, на которую и внимания обращать не стоит! Но это?! Арбалет и меч?

Гермиона опустилась на колени и присмотрелась к мужчине, которого, как считала, знает лучше остальных. Оказалось, что перед ней стоит незнакомец.

И о чем это он упоминал? О своем народе? О своем королевстве? Что за вздор!

Но хуже всего то, что она сама пожелала оказаться здесь. С ним. О чем только думала?

Гермиона потеряла пуговицы на перчатке, но ничего этим не добившись, стянула ее зубами.

Все, с желаниями покончено. Начиная с этой ночи, только брак по расчету с кем-то вроде лорда Хастингса.

Она принялась что было сил дергать за кольцо Шарлотты, пытаясь стащить его, но кольцо сниматься не хотело.

Гермиона рассудила, что стоит ей избавиться от кольца, она снова станет видимой. Начхать ей, посмотрит на нее граф хотя бы еще раз или нет! С нее довольно! Пора покончить с этой загадкой!

И что тогда? Если она снимет кольцо и станет видимой, что ей делать?!

Как что? Она потребует, чтобы граф отвез ее домой! Немедленно! Он все же считается джентльменом. И притом аристократом. Не так ли?

Подняв на него глаза, Гермиона ответила на свой вопрос. Нет! Какой джентльмен таскает с собой мечи и арбалеты? Вот лорду Хастингсу это в голову бы не пришло.

Но граф Рокхерст... теперь она знала, что он не... не...

Теперь он сбросил жилет и развязывал галстук. И все ее аргументы и недовольство растаяли, как снег на солнце.

Его камердинер, возможно, разрыдается, узнав, что тщательно отглаженные вещи валяются на земле... но Гермиона в этот момент была способна только впитывать всем своим существом прекрасную сцену, развернувшуюся перед ней.

Сорочка туго обтягивала бугрившиеся на плечах и груди мышцы. Он снова потянулся, как большая кошка, и Гермионе показалось, что одна из греческих статуй в Таунсенде внезапно ожила... тот самый барельеф, изображающий мужчину, пытавшегося усмирить коня. Мать называла это доказательством художественного вкуса греков, но Гермиона считала барельеф примером идеальной мужской красоты.

Теперь она понимала, как ошибалась, потому что при виде полураздетого Рокхерста у нее перехватило дыхание. Она поднялась и схватилась за перила,

чувствуя, как набухли груди и стали тугими соски. Тело словно покалывали сотни невидимых иголочек. Она только и могла, что ошеломленно уставиться на его мускулистые предплечья, на гордую посадку головы, на руку, уверенно державшую меч. Колени Гермियोны подогнулись, но не от страха, а от того, что между бедрами стало невыносимо жарко.

Нет, больше она не боялась. По крайней мере не того, чего опасалась раньше.

Ей стало не по себе от странной ноющей боли в потаенном местечке внизу живота. Она понятия не имела, что все это означает. Только не могла отвести от него глаз. Не могла не представлять, как он выглядит совсем обнаженным. Потому что у нее не осталось сомнений: только он сможет облегчить терзающую ее странную потребность. Разделаться с ее страхами.

И тут ее внезапно осенило. Она смотрит на него, не ощущая ни малейшей тошноты!

Просто идеально! Теперь, когда она знала, что его любимые развлечения – шантаж и убийство, способна находиться вблизи от этого человека и не корчиться от приступов рвоты!

Она снова дернула за кольцо.

Роуэн громко залаял, раздраженный ее присутствием и неспособностью хозяина видеть назойливую девчонку.

Рокхерст внимательно посмотрел на пса и повернулся к Гермियोне. Синие глаза, один взгляд которых мог довести до обморока любую дебютантку, впились в то место, где она стояла. На какое-то мгновение Гермियोне показалось, что он видит ее. Желание, смешанное со страхом, вновь загорелось в крови, особенно когда он устремился к ней с арбалетом в руке. Снова уставился на нее в упор, прежде чем оглянуться.

– Что с тобой сегодня, мальчик? – спросил он Роуэна. – Что-то не так?

Гермиона оцепенела: сейчас их разделяло не более дюйма. Дышать она не смела, боясь, что выдаст себя. И зачарованно смотрела на его губы. На

морщинки в уголках глаз. Он и раньше смотрел прямо на нее, но она уже привыкла быть невидимкой. И его взгляды не слишком ее волновали. Но это?! Это совершенно обезоруживало!

Такая близость... такая интимная близость... она даже ощущала его запах. И, не справившись с собой, медленно бесшумно втянула воздух. Никакого запаха рома. От него пахло мужчиной: строгие нотки и богатые оттенки... Желание сотрясло ее с такой силой, что колени задрожали. Но Гермиона продолжала цепляться за перила, смутно сознавая, что желание сотворило с ней нечто невероятное, бывшее за пределами понимания.

Магазины и шелка, сплетни и балы. Променады и флирт – вот ее империя. Не этот темный мир, в который вверг ее Рокхерст, сам того не зная.

Может, сплетники и злые языки были правы? И в графе таится зло, с которым не справится ни одна женщина?

Но Гермиона не хотела укрощать такого зверя. Даже не пыталась сдержать его, потому что именно в этот момент ее обуяло необоримое предчувствие беды, которая должна вот-вот случиться.

И беда случилась.

Тихое рычание Роузэна побудило Рокхерста круто развернуться за миг до того, как предательская дрожь земли передалась его ступням.

Он взглянул налево, потом направо, пытаясь определить, где должна появиться дверь, но луч света пронизал тьму как раз перед ним.

Расставив ноги, граф поднял арбалет. Все это он видел сотни раз: слепящий свет, мерцающая радуга до того, как дверь наконец откроется. И хотя он никогда не знал, кто появится из-за этой двери, одно условие никогда не менялось: это будет воплощение зла.

Но никогда в жизни и ни в одной легенде, перешедшей к нему от предков, не описывался ужасающий вопль банши [3 - Привидение-плакальщица в

ирландском и шотландском фольклоре, оплакивающая умершего душераздирающими воплями.], раздавшийся за его спиной, когда столкнулись два мира.

Пришлось обернуться. Иисусе, сзади действительно кто-то был!

Пронзительный крик ударил по нервам. Женщина? И какого же дьявола делает здесь эта юбка? Да еще после того, как он велел Кэппону запереть дверь на засов?

Но на ступеньках по-прежнему никого не было. Пронзительные вопли доносились с совершенно пустого места!

Однако это безобразие ничуть не беспокоило Роуэна. Пес яростно лаял при виде более неотложной проблемы. То, что вначале казалось крошечной щелью, постепенно расширялось, свет стал ярче полуденного солнца. А потом раздался постепенно нарастающий рев, словно разом заговорила тысяча пушек, сопровождаемый слепящей вспышкой молнии, похожей на те, которые вырабатывала одна из новоизобретенных электрических машин, так восхищавших брата Трента Гриффина.

Когда взрывная волна ударила в графа, он, вместо того чтобы, как всегда, устоять, на чем-то поскользнулся и упал на спину. Арбалет вылетел из руки и приземлился рядом с крыльцом.

Рокхерст затейливо выругался и попытался встать. Подумать только, дважды за вечер попасть в глупейшую ловушку! Сначала в «Олмаке», потом здесь. Теперь он весь покрыт мерзкой дрянью.

Ну и вечер! Неужели это еще не все и дальше пойдет еще хуже?!

Мрачный зловещий смех наполнил сердце тоской.

– Неприятности, друг мой?

Значит, может пойти...

Рокхерст встал и осторожно повернулся.

– Милафор? – Он поднял руку, но тут же понял, что лишился арбалета. Пришлось искать меч. Куда девалась его обычная уверенность в себе?

Милафор подошел ближе и снова рассмеялся. Ветер развеивал плащ вокруг его высокой, величественной фигуры.

– Что вас так разволновало, друг мой? Разве вы не ожидали меня?

Он шагнул ближе, гипнотизируя графа красными огоньками глаз.

Но Рокхерст давно усвоил, что ни в коем случае нельзя смотреть этой твари в глаза.

– Тебе здесь делать нечего, Милафор. Уходи в свое логово, – повелительно бросил он.

Роуэн зарычал, вторя хозяину.

Милафор опасливо посмотрел на волкодава, но тут же ухмыльнулся, показав острые, как у хищника, клыки.

– Но я пришел помочь тебе, – лениво промурлыкал он, чем еще более усилил сходство со львом.

– Помочь мне? Лучше помоги себе, как делал это последние несколько месяцев.

Повелитель зла насторожился:

– О чем ты? Я не...

Но Рокхерст отмахнулся, словно желая остановить поток лжи и фальши.

– Что «не»? Не пировал? Ну, это наглое вранье. Вспомни о девушке, погибшей вчера ночью. Или настолько одряхлел и состарился, что потерял память?

Милафор невольно отступил и, сведя тонкие брови в туго натянутую линию, стал изучать врага. Похоже, он впервые в жизни раздумывал, что могут означать подобные обвинения.

А Рокхерста тем временем обуревала непривычная тревога. Во всем происходящем было нечто странное. Неправильное. Но он выбросил из головы посторонние мысли, как ранее забыл об аромате цветущей яблони. Потому что перед ним стоял Милафор или по крайней мере один из его слуг. Ибо кто еще смог сотворить подобный ужас?!

Злой дух слегка наклонил голову:

– Как невоспитанно с твоей стороны напоминать мне о возрасте! Что же до девушки... – Милафор небрежно пожал плечами. – Она была хорошенькой? Мне легче припомнить хорошенькую, чем дурнушку, – хмыкнул он, но в смешке прозвучали не игриво-веселые нотки, а убийственное напоминание о кошмаре, который он вершил с несчастными жертвами. – Кстати, теперь, когда ты упомянул о пиршестве, я вдруг понял, что страшно голоден. Побалуй меня, друг мой. Отвернись и не смотри, а я вознагражу тебя. Всего лишь однажды... маленький ребенок или кусочек невинной детской плоти. В благодарность за то, что я не убил тебя несколько минут назад.

– Убил бы, если б смог, – процедил Рокхерст, целясь острием Карпио в черное сердце Милафора.

– Ну, честно, неужели ты хватился бы одной из тех жалких мышек, которых называешь своими подданными?

– Мне нечего тебе дать. Все они нужны мне.

– Какое нищее королевство для такого принца, как ты, не думаешь? Мне жаль тебя. Ибо мы очень похожи. Желаем жизни, выходящей за рамки наших утомительных обязательств.

– Ничуть мы не похожи, – отрезал Рокхерст, к которому вернулась уверенность.

Ах, если бы только он мог отделаться от ощущения, что кто-то стоит за спиной! Скорее всего это один из фокусов Милафора, но все-таки...

- Ничуть не похожи? Не обманывай себя, Паратус! Я, как и ты, убиваю ради удовольствия.

- Я убиваю, чтобы уберечь своих людей, и прикончу тебя, если сделаешь еще хотя бы шаг по земле моего королевства.

- Убьешь меня? - Глаза Милафора превратились в узкие щелки. Губы раздвинулись, обнажая хищные клыки. - Не думаю. Если ты сделаешь это, вся моя семья явится сюда, на пир...

- На пир? Отпраздновать избавление от тебя?

- Остроумно, но грубо. Грубо, друг мой, - пожал плечами Милафор. - Неужели, Паратус, ты вообразил, будто можешь расправиться со мной? - Он шагнул влево, потом вправо грациозно и гибко, как тигр в клетке, проверяющий границы своей тюрьмы. - Знаешь ли, сколько таких, как ты, пали от моей руки? Их было восемнадцать. Я оставлял этим людям подобие жизни, только чтобы они успели увидеть, как мило я развлекаюсь с их женами и дочерьми, прежде чем покончить с их жалким существованием в этом злосчастном мире. Пойми, я оказывал им ту услугу, которую более чем счастлив предложить тебе.

- Можешь попытаться, - разрешил Рокхерст, ощущая прилив сил, как всегда перед битвой.

- Пока еще рано, юнец. Ты не женился. Не произвел на свет наследника.

- Откуда ты знаешь?

- О, ты скачешь из одной постели в другую и пока не нашел себе жены. Не нашел той единственной женщины, которая бы затронула твое лилейно-чистое сердце. А если бы нашел, ощутил бы ее запах... как и запах ее страха. И тогда мне доставит величайшее удовольствие убить ее только ради того, чтобы увидеть, как ты корчишься от боли, потому что отказал мне в том, чего я хотел больше всего на свете.

– Это кошмар, – твердила себе Гермиона, щипля руки, в надежде что проснется. Но вместо того чтобы спастись из темного сонного царства королевы Маб, она всего лишь наградила себя десятком синяков.

Нет, она не спит! И это кошмарное создание, стоящее перед Рокхерстом, вполне реально!

Но этого быть не может! Да ведь он настоящий, ужасный, злобный и коварный дьявол, которым ирландская нянька пугала Гермиону, ее сестер и братьев, когда те озорничали.

Высокий, элегантно одетый, похожий на величественного принца древности, Милафор был так же высок, как граф, а может, и чуть повыше. И двигался как один из тех огромных котов, которых Гермиона видела в Тауэре. Одни только золотистые волосы, ангельскими волнами ниспадавшие до плеч, способны очаровать любую лондонскую дебютантку!

Но это создание явилось не с небес, ибо Гермиона остро ощущала зло, льнувшее к нему так навязчиво, как те цветочные духи от Флорес, которыми пользовался лорд Хастингс.

– Милафор! – воскликнул Рокхерст. – Мне надоели твои угрозы и фальшивые уверения в дружбе! – Он показал острием Карпио на светящееся отверстие в противоположной стене. – Возвращайся назад и развлекай своих приятелей в аду сказками о былой отваге. Ты не убивал моих родственников вот уже почти триста лет.

– Забавно, Паратус, весьма забавно.

Милафор покачал головой и взглянул поверх плеча графа.

– Как насчет этой? – спросил он, ткнув пальцем в Гермиону. – Могу я убить ее?

Убить ее?!

Гермиона старалась дышать ровно и не впадать в панику. Милафор обратил на нее свои горящие красным цветом глаза. А ей ужасно хотелось объяснить графу и этому мерзкому убийце, что, загадывая желание, она не думала о смерти, совсем не думала!

Но она подозревала также, что они вовсе не посочувствуют ее страданиям, поскольку сами поглощены своей кровавой распрей в духе Монтекки и Капулетти.

Так что, прежде чем ее примутся убивать, нужно придумать какой-то предлог и откланяться.

Она была так напугана, что коленки тряслись еще сильнее, чем в ту первую ночь, когда она приехала в «Олмак».

Гермиона буквально слетела с крыльца и пустилась бежать, однако тут же споткнулась о брошенный графом арбалет.

Рокхерст повернулся на шум. Гермиона мгновенно застыла.

– Милафор, что это еще за дьявольский трюк?

– Как? – удивился противник. – Вы ее не видите?

Губы его медленно растянулись в хитрой улыбке.

– Какой приятный сюрприз! Подойди, солнышко! – окликнул он Гермиону. – Поговори с Паратусом. И покажись, какая ты есть.

Гермиона упрямо покачала головой, едва сдерживая дрожь страха. Перед ней впервые в жизни предстало воплощенное зло. Каждая частичка тела Милафора была пропитана этим злом, но она не могла оторвать от него глаз, и гипнотическая летаргия неспешно разливалась по ее венам, унося страх.

- Иди ко мне, - шептал ей в уши голос, - я не причиню тебе зла, дитя мое.

Она сама не поняла, как шагнула вперед. Отчаянно цепляясь за остатки воли, Гермиона пыталась рассмотреть испорченную тужельку, но взгляд Милафора держал ее в плену. Эта тварь управляла ею, словно марионеткой. Кроваво-красный огонек в глазах стал веревкой, которая накрепко их связала. Стоило Милафору протянуть руку, как Гермиону неудержимо потянуло к нему.

- Пойдем со мной, - продолжал он тоном, исполненным вкрадчивого обаяния. - Я покажу тебе вершины власти, о которых ты даже не подозревала.

Гермиона нерешительно двинулась вперед, однако тут же снова споткнулась об арбалет. Поморщившись от боли, она наконец-то сумела отвести глаза.

- Конец игре, Милафор, - объявил Рокхерст. - Нам нужно уладить одно дельце. И мы его уладим.

- Только когда я узнаю тайну твоей очаровательной спутницы, - покачал головой Милафор.

Паническая дрожь пробежала по спине Гермионы, но она не посмела поднять голову. И сосредоточилась на лежащем у ног арбалете.

В этот момент ожило кольцо на пальце.

«Подними его. Подними арбалет!» - требовал внутренний голос.

Очень уж не хотелось слушаться именно того предмета, который вверг ее в такие неприятности. И вообще она, можно сказать, не привыкла следовать советам украшений.

Но если это волшебное кольцо ощущает хотя бы малую часть той паники, которая сейчас владеет Гермионой, пожалуй, лучше прислушаться к нему.

Девушка нагнулась и подхватила арбалет. Она прекрасно владела луком, но никогда не стреляла из этой штуки. Подобное оружие можно найти только на стене обветшалого деревенского дома, владельцы которого выставляют

свидетельства былой кровавой славы тем же манером, каким более цивилизованные люди вешают напоказ Гольбейна или Рембрандта. Но и те и другие предназначены для обозрения. Не для использования.

По крайней мере не в этом столетии.

Повертев арбалет в руках, Гермиона поняла нехитрый принцип его действия. Кроме того, он уже был заряжен, поэтому она прицелилась. Неловко, но все же прицелилась.

- Ну-ну, не стоит, - встрепнулся Милафор. - Ты можешь кого-нибудь ранить этой штукой.

Гермиона вздрогнула, однако не опустила арбалета.

- Похоже, она вполне способна сопротивляться... впрочем, мне даже нравится это качество в женщинах. - Милафор дернул головой. Откинувшиеся назад волосы приоткрыли заостренные, как у эльфов, уши. - И в этом у нас кое-что общее, не так ли, Паратус?

- Какого черта... - пробормотал Рокхерст, уставившись на пустое место, где секунду назад лежал его арбалет.

Куинс говорила, что любой предмет, который она держит в руках, любая одежда тоже становятся невидимыми! То же самое произошло с арбалетом.

- Так вы действительно не видите ее? - переспросил Милафор, подвигаясь поближе к Гермионе и переводя взгляд с нее на Рокхерста. - Как интересно! Ну же, котенок, покажись, иначе Паратус не сможет полюбоваться твоей красотой. - Он понюхал воздух. - Но вполне способен увидеть тебя, ибо ты человек. Вот только каким образом сумела сделаться невидимой? - Едва успев договорить, он опустил глаза и воззрился на ее руку. Вернее, на кольцо Шарлотты.

Сказать, что он поразился, значит, не сказать ничего.

- Клянусь всем для меня святым! - ахнул он.

Метаморфоза, произошедшая с ним, казалась невероятной. Сейчас он буквально лучился безмятежностью и казался невероятно красивым.

– Прошу вас, дорогая леди, пойти со мной, – попросил он, протянув руку. – Забудьте все, что я сказал до этой минуты. Я всего лишь подшучивал над нашим другом. И никогда не причинил бы вам зла. Нет, я сделаю вас королевой своих владений. Королевой всех империй на свете, если только вы пойдете со мной!

– Не верьте ему, – бросил Рокхерст, не оборачиваясь. – Не знаю, чем драгоценным для него вы владеете, но он убьет вас в тот момент, как это получит.

– Он лжет, милая. Я по крайней мере могу видеть вас и оценить вашу редкостную красоту. Неужели не мечтаете о мужчине, который смотрел бы в ваши глаза и видел самые глубины души?

Решимость Гермионы поколебалась. К тому же она нечаянно взглянула на Милафора. Арбалет заметно потяжелел, и болт отклонился от цели.

Но кольцо тут же ожило, и Гермиона невольно отвела глаза. Сморгнула застлавшую их дымку и сосредоточилась на единственной вещи, которая давала ей силу. На широкой мускулистой спине графа, казавшейся маяком в тумане. Успокаивавшей ее расстроенные чувства.

Постепенно к ней вернулись силы. Она снова подняла арбалет и прицелилась.

– Значит, у котенка имеются коготки? – промурлыкал Милафор.

– Черт возьми, надоели мне все эти выходки! – воскликнул Рокхерст, поднимая меч и показывая острием сначала на Милафора, потом на то место, где стояла Гермиона. – Так или иначе, давайте заканчивать.

– Да что это с вами, мой добрый лорд Паратус? Вечно предпочитаете убийство наслаждению! Мы могли бы заняться ею вместе. Сегодня я щедр и великодушен, – предложил Милафор.

– Не желаю иметь ничего общего с тобой и тебе подобными, – отрезал Рокхерст, снова целясь мечом в Гермиону.

И что он намеревается делать? Проткнуть ее? Надменный, спесивый...

– Тогда сначала убей ее, – пожал плечами Милафор.

– Пожалуй, так и сделаю, – бросил Рокхерст.

Гермиона попятилась. Арбалет дрогнул в руке. В кого стрелять? В Милафора или графа? Но что ей еще остается делать?

– А вдруг она не имеет ко мне никакого отношения? В этом случае вы совершили бы ужасную ошибку, не так ли? Нарушили бы так называемый кодекс чести, запрещающий причинять зло своим собратьям. Разве не об этом он гласит?

Настала очередь графа колебаться. Он снова стал смотреть туда, где стояла Гермиона.

– На вашем месте я не расстраивался бы так, – продолжал Милафор. – Уверен, что она решит наш спор за нас. Хотите пари на то, кого она пристрелит? С каждой минутой ваш арбалет все больше тяжелеет в ее руках, и, кстати, дрожит она так, что неизвестно, в кого пустит болт: в вас или меня.

И в самом деле Гермиону трясло, как в ознобе. Господи, этот Милафор отвлекает и раздражает ее не меньше мисс Берк со своим кашлем!

Но по какой-то причине образ мисс Берк вернул Гермионе силы. Глубоко вздохнув, она приказала себе успокоиться, как всегда делала на состязаниях лучников. Теперь руки больше не дрожали.

Оставалось надеяться, что техника стрельбы из лука и арбалета почти та же самая. Да и всего-навсего необходимо послать угрожающего вида болт в человека. Остановить его...

Гермиона нервно сглотнула. Господи милостивый, о чем только она думает?! Это не соломенная мишень! Она целится в создание из плоти и крови!

– Черт побери! Стреляй же! – приказал Рокхерст. – Перестань играть со мной и прикончи либо этого ублюдка, либо меня.

О небо! Он требует, чтобы...

Гермиона, потеряв дар речи, покачала головой.

– Все хорошо, котенок. Не хочешь же ты убить меня, – вкрадчиво пропел Милафор.

– Застрели его, дура ты этакая, – выдавил Рокхерст, ткнув мечом в ее сторону. – Клянусь всеми святыми, убей его или отдай мне арбалет, я сделаю это за тебя!

Именно этого момента и дожидался Милафор. Стоило Рокхерсту отвлечься, как он прыгнул на него, клыки странным образом удлинлись, как у волка, красное свечение стало алым, словно пролитая кровь.

Переулок и окружающие дома завертелись в зловеще завывающем смерче.

– Нет! – завопила Гермиона, поспешно целясь и нажимая на спусковое устройство.

Болт со свистом разрезал воздух. Тетива угрожающе звякнула. Но Гермиона не успела собраться, и отдача сбила ее наземь. Она еще успела услышать пронзительный визг, увидеть ослепительную вспышку света, словно превратившую переулок в сгусток огня.

При падении она ударилась головой. И провалилась в ту же тьму, которая внезапно воцарилась в переулке, и мертвенную тишину, последовавшую за выстрелом.

– Какого черта? – пробормотал Рокхерст, вонзая Карпио в тлеющие остатки того, что еще недавно было дверью, из которой появился Милафор.

Арбалетный болт ударил ублюдка в плечо и отбросил назад, через открытый портал.

У графа хватило сообразительности, чтобы уничтожить созданный Милафором вход. Запереть его накрепко, чтобы силы зла не могли больше проходить через этот туннель между двумя королевствами.

Немного придя в себя, он воззрился на Роуэна:

– Ну? И что ты на это скажешь?

Пес ответил печальным взглядом обездоленного поэта.

– Да, так я и думал. Следовало с самого начала тебя послушаться. Кто-то следил за нами. Молодая женщина, если верить Милафору.

Повернувшись, он заметил брошенный у крыльца арбалет.

– Означает ли это, что ты не собираешься стрелять в меня? – спросил он, но, не получив ответа, растерянно огляделся. Только безумец разговаривает с тенью! – Все еще не желаешь слова сказать? Но мне почему-то кажется, что далеко ты не ушла, – продолжал он, выискивая взглядом хотя бы малейший признак того, что она все еще здесь. Роуэн тоже держался настороженно.

В переулке царило молчание, если не считать обычных ночных звуков, носившихся вокруг, как клочья уставшего ветра.

Рокхерст нахмурился. Ветер. Вот оно!

Он понюхал воздух и уловил среди вони и смрада тонкую нотку аромата цветущей яблони.

Ее духи.

Значит, она все еще здесь. И совсем близко!

– Где она, мальчик? – спросил он Роуэна. – Покажи мне.

Он мог бы поклясться, что пес улыбнулся, прежде чем вскочить и направиться к крыльцу. Наклонив голову, он подтолкнул носом пустое место.

Рокхерст подошел и встал на колени рядом с собакой. Протянутая рука немедленно наткнулась на мягкие женские округлости. Ее грудь! Идеально округлая, теплая грудь!

Рокхерст отдернул руку и бросил укоризненный взгляд на Роуэна:

– Очень нехорошо с твоей стороны! Ты должен предупреждать хозяина, прежде чем тот натворит дел.

С этими словами он снова протянул руку на этот раз намного осторожнее. Пальцы скользнули по шелковому платью, ленточкам и вышивке по краю модного выреза и коротким рукавчикам, по рукам. Одна была в перчатке, на второй перчатки не оказалось.

Он раздевал в темноте достаточно женщин, чтобы понять: эта хорошо и модно одета. Хуже того, молода, ибо ее кожа была тонкой и нежной, тело – налитым. Не то что роскошная полная фигура матроны или светской женщины. Руки нежные и мягкие, сразу видно, что ей не знаком тяжелый труд.

Значит, перед ним мейфэрская дебютантка.

Рокхерст присел на корточки и покачал головой. Что она делает здесь? В Дайалсе? И как ей удалось сделаться невидимой?

Нет, должно быть, он не так все понял. Она не какая-то светская мисс, и, что бы там ни говорил Милафор, это вообще не человек.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Страж лондонского Тауэра. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Ирландская народная песня.

3

Привидение-плакальщица в ирландском и шотландском фольклоре, оплакивающая умершего душераздирающими воплями.

Купить: https://tellnovel.com/ru/boyl_elizabet/nochnoy-soblazn

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)